

Сергей Шведов
Возвращение оракула
Серия «Оракул», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125694

*Шведов С.В. Возвращение оракула: Фантастический роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; Москва; 2005
ISBN 5-93556-466-1*

Аннотация

Говорят, что будущее предсказать сложно, но не меньшие проблемы возникают с прошлым, когда оно врывается в нашу жизнь... благодаря стараниям гостя из будущего, который именуется оракулом.

Сказки любят все, но далеко не все готовы участвовать в нелепом спектакле по мотивам чужого бреда, меняя собственные благообразные лица на жуткие личины. Каково, например, прокурору превратиться в лешего, а видному финансисту стать собакой? И не в каком-то там переносном смысле, а в самом что ни на есть натуральном. Весь наш и без того не шибко отлаженный быт летит в тартарары. А на месте сосланного в Сибирь губернатора вдруг возникает совсем уж чуждое нашему миру существо – Демон Зла.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	4
	44

Сергей Шведов

Возвращение оракула

* * *

Прокурор Иван Николаевич Лютиков пребывал в прескверном расположении духа. Сухарев без труда определил это по багровой толстой шее и розовеющим пухлым щекам. Нельзя сказать, что глаза прокурора метали молнии, но, во всяком случае, смотрели они на следователя прокуратуры неприязненно. Сухарев призадумался и попытался сообразить, чем же так прогневил высокое начальство. Вроде бы никаких особенных грехов за Василием Валентиновичем не числилось. Да и дела, которые он в данный момент вел, вряд ли могли вызвать резонанс в высших городских и областных сферах – обычная рутинная работа, не более того.

– Вот полюбуйся, – бросил Лютиков на стол лист бумаги. – Это же черт знает что!

Сухарев бегло пробежал глазами текст и вздохнул с облегчением. Камешек, нет, скорее булыжник, брошенный анонимным доброхотом, метил, к счастью, не в его огород. Тем не менее Василий Валентинович счел нужным вздохнуть, укоризненно покачать головой и выразить свое отношение к проблеме одним словом:

– Прискорбно.

– Безобразие! – не согласился с ним прокурор Лютиков и прокатился по кабинету большим неуклюжим шаром, энергично вытирая шею белоснежным носовым платком.

Иван Николаевич был человеком неумным, работающим, довольно близко принимающим к сердцу сваливающиеся на его голову проблемы. За эти качества его ценили начальники и недолюбливали подчиненные. Сухарев и по роду службы, и, так сказать, по зову сердца принадлежал к последним и сейчас с нехорошим предчувствием ждал, чем еще огорчит его энергичный Лютиков накануне честно заработанного выходного дня.

– Надо проверить, – сухо бросил прокурор следователю, присаживаясь к столу.

– Но ведь это анонимка, Иван Николаевич! Мало ли что напишет наш поголовно грамотный народ. К тому же Рябушкин у нас давно уже не работает.

– По-вашему, три месяца – это давно? – сверкнул на подчиненного глазами Лютиков.

Сухарев в ответ лишь сокрушенно развел руками. По внешнему виду и внутренним качествам Василий Валентинович был полной противоположностью прокурора. То есть худ, высок ростом и флегматичен. Лютиков ценил в нем старательного и въедливого работника, но частенько поругивал за отсутствие вдохновения. Сухарев на претензии прокурора только плечами пожимал. По его мнению, юрист должен в своей деятельности руководствоваться одними фактами, а вдохновение оставить поэтам.

– Вы фантастической литературой случайно не увлекаетесь, Василий Валентинович.

– А с какой стати? – удивился Сухарев.

– Действительно, – вздохнул Лютиков. – Чушь собачья лезет в голову.

Несколько месяцев назад с Лютиковым приключилась крупная неприятность. Да что там неприятность – чертовщина какая-то. Из морга исчезли полтора десятка трупов. Точнее, они не исчезли, а некоторым образом ожили. И даже не некоторым, а самым что ни на есть натуральным. А один из этих ходячих трупов имел наглость заявиться в кабинет губернатора в тот самый момент, когда весь областной бомонд публично скорбел о его кончине. Сухарев

в том деле задействован не был, но слухами земля полнится. Лютикову вlepили неполное служебное соответствие и намекнули на проблемы со здоровьем. Для самолюбивого Ивана Николаевича такая оценка его неустанных трудов на поприще юриспруденции явилась тяжелым ударом. Но обиду он затаил не столько на огорчивших его суровых начальников, сколько на ни в чем вроде бы не повинного Анатолия Сергеевича Рябушкина... Сухарев никогда бы не стал копаться в душевных ранах прокурора, если бы тот сам не подsunул ему эту чертову бумажку с доносом анонима.

– А что, найденный клад действительно столь велик?

– Я тебя умоляю, Василий Валентинович! – вновь подхватился с места Лютиков. – Велик! Независимые эксперты оценили его в миллиард долларов! Можешь представить себе эту сумму? Губернатору уже звонили из центра и намекнули, что области, в которой золото лежит под ногами, вряд ли в будущем понадобятся дотации. Семен Семенович в шоке.

– Но ведь не губернатор этот клад обнаружил, – резонно заметил Сухарев. – А столица нас еще и благодарить должна. Шутка сказать, такой прибыток государству. На их месте я бы Семен Семенычу орден дал.

– Дадут, – скептически протянул прокурор. – Догонят и еще дадут. Мне уже звонили из Генеральной прокуратуры и выразили удивление. Понял, Василий Валентинович, – удивление. И есть чему удивляться, согласись. А тут еще эта анонимка.

– Но ведь цифры-то уж больно несуразные. – Сухарев вновь пробежал листок глазами. – А потом, зачем им скрывать часть клада, если они себя и так обозначили, выдав правительству ценностей на миллиард. Ведь по закону им полагается доля в двадцать пять процентов, если не ошибаюсь. А это ни много ни мало, как двести пятьдесят миллионов долларов. С ума можно сойти. Сорвали как с куста.

– Вот то-то и оно, что сорвали. А где найдено ценностей на миллиард, там вполне могли найти и на четыре. Тем более что в этом деле замешан наш сотрудник, пусть и бывший. Не говоря уже о других известных в городе лицах.

– Вы Хлестова имеете в виду? – насторожился Сухарев.

При упоминании фамилии ожившего «покойника» Лютиков поморщился. Петр Васильевич Хлестов был весьма заметным в городе человеком, близким как к мэру, так и к губернатору. И конечно, случившаяся с ним неприятность бросала тень и на властные структуры.

– Поговори с Петром Васильевичем, – прокашлялся Лютиков. – И вообще, займись проверкой сигнала.

– Но помилуйте, Иван Николаевич, – возмутился Сухарев. – Это же не сигнал, это же бред какой-то. Где я вам найду этого гостя из будущего, то ли бога, то ли оракула? Анонимку явно больной человек прислал. Тут не следователю надо разбираться, а психиатру.

– Если потребуется привлечь психиатров – привлечем, – жестко сказал Лютиков. – По-твоему, ценности в миллиард долларов – это тоже плод больного воображения? В общем, вынь мне этих сукиных сынов да положь!

– А кого вынуть-то и положить? – растерялся Сухарев.

– Не знаю, – раздельно и веско произнес Лютиков. – Ты у нас следователь – вот и расследуй. Все, Василий Валентинович, свободен – у меня совещание.

Вот ведь влип! Сухарев, выйдя из кабинета прокурора, едва не выругался вслух. Дело показалось ему темным и абсолютно бесперспективным. Собственно, и дела в привычном для юриста понимании этого слова не было. Василию Валентиновичу оставалось только скрежетать зубами да сожалеть, что в нашем правовом поле не прижилась известная формула римского права: нет трупа, нет и преступления.

– Но я тебя умоляю, Круглов, что ты окоlesiцу несешь? – услышал вдруг Сухарев голос из-за приоткрытой двери кабинета. – Что значит пропал? Так был труп или не было? Вот так прямо встал и ушел?

Что ты мне голову морочишь, старшина? Девушке своей сказки будешь рассказывать, а к моему приезду чтобы все было в ажуре.

Сухарев проводил взглядом выбежавшего в коридор милиционера, не поленился войти в кабинет своего негодующего коллеги Углова, который при виде гостя развел руками:

– Вот кадры у нас в милиции. Им не то что ценности, трупа доверить нельзя. Можешь себе представить – не довезли!

Углов был лет на десять моложе Сухарева. Пробивной, нахальный... Можно было не сомневаться, что на месте следователя он долго не задержится, а стремительно рванет вверх, в прокурорские выси. Василий Валентинович относился к Углову скорее неприязненно, чем дружески, но в данном случае личные чувства не имели ровным счетом никакого значения. Сухарев, кажется, нащупал след, не выходя из стен родного учреждения.

– Убийство?

– Вроде нет, – пожал плечами Углов. – Хотя не исключается отравление. А почему тебя так заинтересовал покойник?

– Так ведь он ушел, – мягко улыбнулся Сухарев.

– Кто ушел?! – не понял Углов.

– Покойник.

– Покойник уйти не может, – коротко хохотнул Углов. – Покойника можно только потерять. Я тебя не пойму, Василий Валентинович, ты на что намекаешь?

– А ты разве не в курсе дела Хлестова? – понизил голос почти до шепота Сухарев.

Розы на щеках Углова слегка увяли, а на холеное лицо набежала тень. Костя Углов принадлежал к породе счастливицков и красавчиков. Таких любят женщины, а жизнь если и бьет их, то не наотмашь, а все больше щадя и вскользь. Разумеется, о конфузе, приключившемся с прокурором Лютиковым, он слышал и даже отпустил по этому поводу несколько шуточек в кругу друзей, но, похоже, красавчик никак не предполагал, что неприятности сваливаются порой не только на головы поживших и много чего повидавших работников, но и на головы любимцев фортуны, привыкших срывать цветы удовольствия на всех клумбах, разбитых в округе.

– Но ведь тогда все, кажется, обошлось? – так же шепотом отозвался Углов, – Газеты слегка позубоскалили, и все.

– Там заинтересовались, – кивнул головой на потолок Сухарев.

– Губернатор?

– Бери выше. Лютиков рвет и мечет. Если он узнает, что ты потерял еще один труп, то я тебе, Костя, не завидую.

– Я-то тут при чем, – огрызнулся неуверенно Углов. – Пусть с милиции спрашивают.

– Спросят и с милиции, – вздохнул Василий Валентинович. – Ладно, поехали.

На старшине милиции Круглове буквально не было лица. Он ходил кругами вокруг машины с красным крестом и ругался последними словами. Стоявшие чуть в стороне пожилой мужчина в клетчатой рубашке и ражий тип в белом халате растерянно разводили руками.

– Первый раз со мной такое, – сокрушался мужчина в клетчатой рубашке, видимо шофер. – Ведь закрыл заднюю дверь-то. Точно помню, что закрыл. Вот и Андрей не даст соврать. Как хочешь, старшина, но я за покойниками бегать не буду. Ты милиционер, ты и бегай.

Задетый за живое старшина милиции хотел ответить зарвавшемуся шоферу, но при виде подъезжающего начальства сник, вытер пот со лба и пошел докладывать о происше-

ствии, выходящем за рамки здравого смысла. Впрочем, у старшины Круглова это был далеко не первый потерянный покойник, и он очень даже хорошо помнил, что за предыдущих ему вlepили взыскание.

– А я ведь предупреждал вас, товарищ старшина, – сказал следователь Углов, вылезая из сухаревской «девятки». – Просил, чтобы вы лично проследили за покойником.

– Виноват, – честно сознался доблестный страж порядка. – Но ведь надежный по виду был покойник, надежнее не бывает. Не в обиду тебе будет сказано, Костя, но это опять оракул чудит.

– Об оракуле поподробнее, – вежливо попросил старшину Сухарев.

Справедливости ради надо отметить, что старшина о загадочном существе знал крайне мало. Но его рассказ о происшествии в загородном дворце произвел на слушателей неизгладимое впечатление. Сухарев было подумал, что Круглов хватил лишку или перегрелся на солнце, но вовремя вспомнил, что на дворе весна и солнце сейчас не того накала, чтобы винить милиционера во всех бедах, случающихся с сильно пьющими людьми.

– Да не пил я, – обиделся Круглов. – И тогда был трезв как стеклышко и сейчас.

– Значит, вы утверждаете, товарищ старшина, что видели собственными глазами убитого Хлестова Петра Васильевича? – спросил Сухарев.

– Если не для протокола, то – да. Вот как вас сейчас. Там этих трупов было целых двенадцать. Семерых мы с Куницыным положили, а остальных убили еще до нас. На том же Хлестове живого места не было.

– Ты что несешь-то? – возмутился Углов. – У тебя все дома? Тебя же, сукина сына, либо под суд надо отдать за массовое убийство, либо в психушку за самооговор!

– Вот поэтому я и говорю – не для протокола, – обиделся на следователя старшина. – А для протокола я знать ничего не знаю. Да что там говорить... Я сегодня колдуна видел!

– Какого еще колдуна? – вконец запутался в показаниях свидетеля Сухарев.

– Графа Глинского по кличке Дракула. По слухам, это именно он тогда воскресил и Хлестова, и Сашку Синцова, и всех остальных.

– Бред, – покачал головой Углов. – Какой в наше время может быть Дракула?

– Самый обыкновенный, – пожал плечами Круглов. – Вампир.

Если бы не сегодняшний разговор с Лютиковым, Сухарев, скорее всего, счел бы показания старшины милиции бредом свихнувшегося на опасной и трудной службе человека. Но ведь прокурора сумасшедшим никак не назовешь, не говоря уже об экспертах, констатировавших смерть полутора десятка людей. Не мог же целый отряд работников правоохранительных органов вот так хором, в одночасье, сойти с ума. Непостижимым в показаниях старшины Круглова было лишь то, что Петр Васильевич Хлестов был убит дважды и так же дважды он воскрес.

– А где сейчас находится ваш сослуживец Синцов, товарищ старшина?

– Уволился, – вздохнул Круглов. – Как получил деньги от Рябушкина, так сразу и уволился. Решил подлечиться на полученные зеленые. Нервы у него в последнее время расшалились.

– И много денег он получил?

– Опять же не для протокола, – понизил голос до шепота Круглов. – По двести тысяч нам Анатолий Сергеевич отвалил – мне, Синцову и Куницыну. За моральные издержки, как он сказал.

– Сумма, однако! – завистливо прищелкнул языком Углов.

– Так ведь клад они нашли, – пояснил старшина. – В газетах писали. Колдун, наверное, нашел. А то с какого рожна он на «мерсе» разъезжает.

– А когда и где вы его видели?

– Так во дворе дома покойника, товарищ следователь. Стоял, значит, у дверцы «мерса» и ухмылялся. А второй, его графом Калиостро зовут, мне даже подмигнул. Третьего из их компании я, правда, не видел.

– А как фамилия третьего?

– Друбич, кажется. Тоже, наверное, вампир.

– А почему вы так решили?

– А зачем нормальному мужику шпага, товарищ следователь? Сдается мне, что этой шпагой он и заколол Хлестова. Я этого Друбича еще в прошлый раз хотел застрелить, но у меня патроны кончились.

– Какой кошмар, – только и сумел вымолвить потрясенный Углов.

Сухарев с ним был согласен, но, как человек выдержанный, поживший и много чего на своем веку повидавший, не спешил выплескивать свои эмоции наружу. Приобретенный на службе опыт подсказывал Василию Валентиновичу, что за всякой на первый взгляд чертовщиной прячется корыстный интерес. А в данном случае он не просто прятался, он заявлял о себе в полный голос кругленькой суммой в миллиард долларов. Надо отдать должное Лютикову, нюх не подвел его и в этот раз. Но каков Рябушкин-то! Это если он милиционерам отвалил по двести тысяч от щедрого сердца, то сколько же на его долю досталось от большого пирога?

Вслух этот вопрос прозвучал из уст следователя Углова, которого мучили те же вопросы, что и Сухарева. Это случилось, когда они на «жигулях» отъезжали от морга, скользя лысыми колесами по мокрому асфальту. Весна уже вступила в свои права, приукрасив деревья нежными зелеными листочками. Кабы не свалившиеся на голову заботы, Сухарев, возможно, и пораздовался бы пробуждению природы от долгой зимней спячки, хотя подобная сентиментальность была не в его характере.

– Если верить анониму, приславшему письмо в прокуратуру, то речь идет о ценностях примерно в четыре миллиарда долларов, – спокойно отозвался на вопрос коллеги Сухарев.

– Мама дорогая, – только и сумел вымолвить Углов.

– Государству ценностей предъявили всего на миллиард. Ценности предъявила некая Хлестова Светлана Алексеевна. Якобы она нашла клад, спрятанный бывшими владельцами дворца, развалины которого она приобрела вместе с земельным участком близ села Горелова.

– А Рябушкин здесь при чем?

– Рябушкин, как ты знаешь, опытный юрист. Он и взял на себя переговоры с государством. Кладоискательнице положен по закону немалый куш, а наше государство не любит расставаться с деньгами. Но в данном случае оно, кажется, изменило своим правилам и выплатило причитающуюся расторопным людям сумму сполна.

– Ну а вампиры-то тут при чем? Откуда взялись Дракула и Калиостро?

Вопросы Угловым были заданы очень интересные, но, к сожалению, следователь Сухарев ответов на них не знал. Конечно, обнаружение клада ценой в миллиард долларов само по себе событие незаурядное, но обстоятельства, его сопровождавшие, вообще не лезли ни в какие ворота. И работники прокуратуры, посоветовавшись между собой, вынуждены были констатировать это как факт.

– По-моему, это афера, – покачал головой Углов. – С далеко идущими последствиями. Помяни мое слово, Василий Валентинович, мы еще хлебнем с этим делом горя.

Сухарев с такой оценкой коллеги был согласен, однако продолжать разговор в том же духе считал неразумным. В конце концов, профессионал в своей работе должен исходить из факта, а нафантазировать можно целый короб. Фактом пока что был исчезнувший труп, вот от него и следовало танцевать.

– Кстати, откуда он взялся?

Труп, по словам Углова, обнаружила соседка Мария Филипповна. Просто бдительная старушка очень удивилась, что дверь в соседнюю квартиру, где давно уже никто не жил, распахнута настежь. Обнаружив в комнате на ковре бездыханное тело, соседка страшно перепугалась и побежала звонить в милицию. По словам свидетельницы, труп буквально плавал в луже крови. Однако прибывшая на место преступления следственная бригада никакой крови не обнаружила, как не обнаружила и следов насилия на теле покойного. Углов решил, что кровь старушке, скорее всего, померещилась от испуга, а человек умер самым естественным образом. Правда, никаких документов, удостоверяющих личность, ни на теле умершего, ни в квартире обнаружить не удалось. Да и вообще квартира выглядела нежилой. Холодильник, например, был пуст и даже отключен от розетки. Телевизор был покрыт толстым слоем пыли. Создавалось впечатление, что хозяин только-только переступил порог родного дома после долгого отсутствия и упал как подкошенный.

– Покойника сфотографировали?

– Разумеется, – кивнул Углов, – Я на всякий случай прихватил у экспертов парочку фотографий.

Лицо ожившего покойника Сухареву показалось знакомым, но, к сожалению, он так и не мог припомнить, где мог видеть этого средних лет сухощавого человека.

– А почему он так странно одет? – удивился Василий Валентинович.

– Честно говоря, нас это обстоятельство тоже заинтересовало. Костюмчик явно не нашего покроя.

– А другая одежда в квартире была?

– Нет. шкафы были пусты. Говорю же, абсолютно нежилая квартира. По словам соседки, ее прежние владельцы съехали примерно полгода назад. А кому они продали квартиру, Мария Филипповна не знает. Новый владелец квартиры никак себя не проявлял, хотя однажды старушка слышала шаги и покашливание за дверью.

– Что ты собираешься делать? – спросил Сухарев Углова.

– А ничего. Зарегистрирую как ложный вызов. Человек-то живой и вполне здоровый, раз сумел на ходу покинуть машину.

– Разумно, – согласился с коллегой Сухарев. – Лютикову ты, пожалуй, об этом случае не докладывай. Человек и так весь на нервах. А если что-то всплывет интересное в связи с этим несостоявшимся покойником, сообщи мне.

– Понял, – обрадовался Углов. – Спасибо, что подвез.

Сухарев высадил коллегу у дверей прокуратуры, а сам отправился с визитом к Хлестову. К сожалению, в офисе финансиста не оказалось, и после долгих мытарств и препирательств с персоналом следователю все-таки удалось выяснить, что Петр Васильевич сейчас находится в своей городской квартире и по случаю нездоровья гостей не принимает. Адрес этой квартиры Василию Валентиновичу сообщили только после устроенного им скандала с предъявлением удостоверения и угрозами судебного преследования тех, кто мешает дознанию. По всему было видно, что Хлестов кого-то очень сильно боится, а потому и конспирируется, как заговорщик, готовящий, по меньшей мере, государственный переворот.

В конспиративную квартиру Сухарева тоже впустили далеко не сразу, а только после того, как его опознал сам хозяин, с которым следователь был шапочно знаком. Квартира, надо признать, была не из самых шикарных, но, похоже, Хлестова вопрос личной безопасности волновал сейчас куда больше, чем престиж или даже комфорт.

– А что вы хотите, Василий Валентинович, – нервно дернулся Хлестов. – На меня уже покушались трижды. Дважды я был буквально на волоске от смерти. Меня даже в морг отвозили. Эта стерва не оставит меня в покое, будьте уверены.

Хлестов был одет в халат невыносимой расцветки и в окружении своих облаченных в строгие костюмы телохранителей выглядел как павлин, случайно угодивший в стаю коршунов. Но лицом Петр Васильевич был бледен, как-то осунулся, он даже и с тела сильно спал, во всяком случае, еще месяц назад он смотрелся куда солиднее.

– Разрешите присесть?

– Да, конечно, – спохватился хозяин, указывая следователю рукой на обтянутое кожей кресло. – Извините, что я обрушил на вас свои проблемы прямо с порога, но тут уж ничего не поделаешь – нервы.

Два телохранителя остались в коридоре у двери, а третий присел на диван неподалеку от хозяина, цепко держа взглядом незваного гостя. Сухарев решил не обращать на него внимания, в конце концов, человек просто исполняет работу, за которую ему платят деньги.

– Я в курсе ваших проблем, Петр Васильевич, – мягко начал Сухарев. – Скажу больше, ими заинтересовались на самом верху, вы меня понимаете?

– Слава богу! – с облегчением вздохнул Хлестов. – Армию надо подключать, ибо ОМОН с ним не справится. Поверьте мне на слово, Василий Валентинович.

Сухарев вообще не был склонен верить людям на слово, и уж тем более ему не внушал доверия перепуганный субъект, вполне возможно тронувшийся умом от выпавших на его долю переживаний.

– Это вы написали письмо в прокуратуру?

– Нет, – удивленно вскинул брови Хлестов. – Я ничего не писал, клянусь мамой. Хотя мысль такая и мелькнула. Но, в конце концов, что может сделать прокуратура против ведьмы?! А она ведь ведьма, натуральная ведьма! Я на нее в суд подал. Я ее выведу на чистую воду!

Речь, судя по всему, шла о бывшей супруге господина Хлестова Светлане Алексеевне, той самой удачливой кладоискательнице, о которой писали не только местные, но и центральные газеты. Сухарев приготовился выслушать все, что накопилось у Хлестова на душе. Глядишь, между истерическими воплями всплывет и нечто существенное.

– Так вы говорите, что согласие на передачу спорных земельных участков у вас выманили обманом?

– Это было насилие! – взвизгнул Хлестов. – Насилие, а не обман! Меня заманили в ловушку, сначала убили, потом воскресили и заставили подписать бумаги. А кто бы на моем месте устоял? На меня натравили вампира, графа Дракулу. Его вся моя дворня боялась. А моих гвардейцев убили, буквально изрешетили пулями. Вот Сеня не даст соврать.

– Простите, а откуда там взялись гвардейцы? – вежливо полюбопытствовал Сухарев. – Или это вы образно выразились?

– При чем тут образы?! – обиделся Хлестов. – Я ведь был императором. Меня сопровождали четыре гвардии преображенца.

Клинический случай. Собственно, Сухарев при первом же взгляде на Петра Васильевича понял, что тот не в себе, но он никак не предполагал, что болезнь зашла так далеко. Тем не менее он решил слегка подыграть больному человеку.

– Вас ведь убили в загородном дворце подле села Горелова?

– А вы откуда знаете? – насторожился «император».

– У нас свои источники информации, – ушел от прямого ответа следователь. – Скажите, а господа Калиостро и Друбич принимали участие в вашем убийстве?

– Самое непосредственное, – твердо сказал Петр Васильевич. – Они меня в этот дворец заманили и подставили под удары местного разбойника Ваньки Каина. Этого Каина опознали мои холопы.

– Значит, вас убивали при свидетелях?

– А как же! – подпрыгнул на диване Хлестов. – Полный дворец челяди, и никто даже руки не поднял в защиту императора!

– Сочувствую, – вздохнул Сухарев. – А сейчас вы император в изгнании, как я понимаю, и боитесь наемных убийц?

– Послушайте, гражданин следователь, только не надо делать из меня идиота, – возмутился хозяин, – я и без того на грани нервного срыва. Вы имеете дело не с мальчиком, мне уже под пятьдесят, я на своем веку повидал женщин, но таких, как эта ведьма, не должно быть в природе. Вы меня понимаете – не должно.

Мальчиком Петр Васильевич действительно не был. Это Сухарев с готовностью признал. Да и трудно было оспаривать этот тезис, имея счастье лицезреть зрелого мужчину, хоть и невысокого роста, но солидной комплекции, с обширной лысиной на макушке. Сомнения у следователя возникли лишь в психическом здоровье собеседника, но «император» тут же их категорически опроверг:

– Сейчас я Хлестов Петр Васильевич, предприниматель, уважаемый в городе человек. Вы будете это отрицать?

– Боже упаси. – Сухарев даже слегка поежился под негодующим взглядом собеседника. – Но ведь вы утверждаете, что женаты на ведьме, или это вы просто фигурально выражаетесь?

– Я выражаюсь не фигурально, Василий Валентинович, а по существу. По-вашему, уважающая себя женщина станет путаться с этим вампиром, графом Глинским. А он ведь, между прочим, продал душу дьяволу! Мне об этом сказал холоп Сенька.

– Глинский – это Дракула? – уточнил следователь.

– Он самый, – кивнул Хлестов и залпом осушил стакан минеральной воды. – Представьте себе, этот вампир имел наглость заявиться вместе с ведьмой прямо ко мне в загородный дом.

– Он вам угрожал?

– Не помню, – честно признался Петр Васильевич. – Я почти сразу же потерял сознание. Очнулся в морге. Спасибо, конечно, нашим правоохранительным органам – нашли куда отправить уважаемого человека!

– Но ведь вы, Петр Васильевич, не подавали признаков жизни, – смущенно прокашлялся Сухарев. – И ваши охранники тоже.

– Нас просто загипнотизировали! – взвизгнул Хлестов. – Можно же отличить спящего человека от мертвого! Я вас умоляю, гражданин следователь.

– Промашка вышла, – самокритично признал работник прокуратуры. – Так вы считаете, что вас загипнотизировали?

– Естественно, – передернул плечами Хлестов. – И заставили сыграть сначала роль императора, а потом покойника. Вы слышали о графе Калиостро?

– Слышал, – не стал запыряться Сухарев, – но это ведь другая эпоха.

– Эпохи меняются, а гипнотизеры остаются, – отрезал Хлестов.

– Вы хотите сказать, что он попал к нам из восемнадцатого века?

– Какого там восемнадцатого! – безнадежно махнул рукой Хлестов. – Я с его папой Гришкой Кравчинским вместе в вэпэша учился. Сын почтенных родителей и вот докатился до такой жизни. Она во всем виновата, гражданин следователь, помяните мое слово!

– Кто она? – не понял Сухарев. – Ведьма?

– Литература, – отдельно произнес Хлестов. – Выучили на свою голову. Он ведь писатель, этот Аполлон.

Нельзя сказать, что Василий Валентинович поспевал за скачущими из эпохи в эпоху бредовыми мыслями свихнувшегося финансиста, но кое-что он все-таки успел уловить и даже попытался сформулировать свои выводы вслух:

– Так, значит, графа Калиостро по паспорту зовут Кравчинским Аполлоном Григорьевичем?

– А я о чем вам целый час толкую?! – пожал плечами Хлестов. – Их же целая шайка орудует.

– А Друбич?

– Друбичем называет себя Ярослав Кузнецов, частный детектив, – пояснил до сих пор молчавший охранник Сеня. – Мы навели о нем справки. Бывший сержант-десантник. Воевал в Чечне. Учился на юрфаке университета, но ушел с третьего курса.

Надо признать, что охранник Сеня, в отличие от своего премудрого шефа, отвечал на вопросы четко и по существу, чем сразу же перевел разговор из заоблачных высей шизофренического бреда в область суровых земных реалий.

– А Дракула?

– В миру – Николай Ходулин. Служил в армии. Работал сварщиком в одной строительной артели. Сейчас лицо без определенных занятий. Да и зачем ему работа с такими деньжищами в кармане.

– Он, значит, разбогател?

– Так все они разбогатели с этого клада.

– Отберу! – вновь взвился Хлестов. – Отсужу все, до последней копейки! Клад был найден в моей земле, а следовательно, он мой!

– Клад принадлежит государству, – жестко парировал Сухарев, – даже если он действительно найден на вашей земле. Не вы же его туда зарывали.

Сеня вздохнул солидарно со словами Сухарева. Похоже, молодой человек разбирался в сути вопроса лучше своего шефа, которому жадность и обида застили глаза до полного умопомрачения.

– И почему вы решили, что клад был найден на ваших землях, Петр Васильевич?

– А где он, по-вашему, был найден? – удивленно вскинул брови Хлестов.

– Не знаю, – пожал плечами Сухарев. – Но вряд ли этот граф Глинский, каким бы богачом он ни был во времена последнего царя, обладал сокровищами, оценивающимися, по меньшей мере, в миллиард долларов, а по некоторым сведениям – в четыре!

– Как в четыре? – подхватился с места Хлестов. – Да быть того не может!

Судя по тому, как искренне Петр Васильевич отреагировал на последние слова Сухарева, анонимное письмо в прокуратуру действительно писал не он. А следовательно, был еще один человек, хорошо осведомленный в перипетиях развернувшейся в отдаленной деревушке Горелово драмы.

– Простите, Петр Васильевич, вам случайно не знаком этот человек? – Сухарев достал из бумажника фотографию сбежавшего «покойника» и протянул ее Хлестову.

– Так это же Аркадий! – хмыкнул Хлестов. – Аркадий Семенович Иванов, мой старый и проверенный партнер по бизнесу. А почему он так вырядился?

– Это и мы хотели бы узнать, – мягко улыбнулся Сухарев. – Он что, тоже участвовал в кладоискательстве?

– Так с него, пожалуй, все и началось, – задумчиво проговорил Хлестов. – Точнее, с диадемы, которую он мне продал.

– Вы считаете, что эта диадема из найденного клада?

– В том-то и дело, что диадему он продал задолго до того, как клад был найден, – покачал головой Хлестов. – А потом он пытался выкупить у меня земельные участки. Те самые. Сулил совершенно сумасшедшие деньги. Конечно же он знал, знал, что там спрятаны ценности!

Для психопата Хлестов рассуждал очень даже логично, ибо не чем иным, как поисками спрятанных сокровищ, объяснить интерес Аркадия Иванова к земельным участкам, распо-

ложенным у черта на рогах, было нельзя. Не сельским же хозяйством он собирался заниматься. Василий Валентинович не был знаком с Ивановым, но слышать о нем слышал. От того же Рябушкина, который с бизнесменом находился в дружеских отношениях.

– У меня к вам просьба, Петр Васильевич: если кто-нибудь из ваших знакомых, супруга, скажем, бывшая или тот же Иванов, будет предлагать вам драгоценности, не считите за труд сообщить об этом мне. Да и вообще держите меня в курсе всех происходящих вокруг вас событий. Это в ваших же интересах.

– Конечно, – с готовностью закивал Хлестов. – Обязательно, Василий Валентинович. Можете на меня положиться. Скажите, а компенсацию за причиненный мне моральный и физический ущерб я с этих подлецов могу потребовать? У нас ведь запрещено ставить опыты над людьми?

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Сухарев. – Причем свидетели у вас будут самые надежные – работники милиции и прокуратуры. Надо только доказать преступный умысел со стороны обвиняемых.

* * *

Проводив гостя, Хлестов впал в глубокую задумчивость. Оцепенение его продолжалось довольно долго – минут пятнадцать, после чего Петр Васильевич очнулся, вскочил на ноги и бросился к телефону. Финансиста душили злоба, зависть и ревность. Мысль, что его бывшая жена вместо того, чтобы сохнуть в нищете, купается в золоте, буквально сводила его с ума. В спокойном состоянии Хлестов вряд ли бы стал связываться с Кудряшовым, у которого была слава человека крутого, опирающаяся на богатое криминальное прошлое и настоящее. Словом, урка был еще тот. По слухам, под рукой у Кудряша ходило чуть ли не полсотни быков, и крышевал он едва ли не половину бизнесменов в городе. Тем не менее криминальный босс на зов финансиста откликнулся. незамедлительно и уже буквально через полчаса звонил в дверь хлестовской квартиры.

В пику своей фамилии Кудряшов был абсолютно лыс, причем не по моде, а по природе, хотя годами только-только приближался к сорока. Роста он был среднего, но крепко сбит и ловок в движениях.

Лицо его на первый взгляд выглядело добродушным, правда, впечатление портили маленькие цепкие глаза, настороженно смотревшие на собеседника из-под неожиданно густых ресниц. Нельзя сказать, что Кудряшов с Хлестовым были друзьями, но деловые контакты поддерживали, не слишком, однако, афишируя свое знакомство.

– Решил пришить свою дорогую женушку, Петр Васильевич? – Кудряшов снял шляпу и бросил ее на журнальный столик, после чего опустился в кресло, где еще недавно сидел следователь прокуратуры.

– Я тебя умоляю, Михаил, – поморщился Хлестов. – Давай без этих твоих уголовно наказуемых шуток.

– Зачем звал? – сразу же взял быка за рога предводитель разбойничьей шайки.

Хлестов провел ладонью по взмокшему от пота лицу и после довольно продолжительной паузы все-таки выдал давно заготовленную фразу:

– Можно сорвать большой куш, Михаил, такой большой, что вся твоя нынешняя суета – детский лепет.

– За большой куш большие сроки дают, – криво усмехнулся Кудряш. – Надеюсь, ты не Центробанк собрался грабить?

– Полтора миллиарда баксов тебя устроят?

– А почему не два, – хмыкнул Кудряшов.

– Потому что тебе придется делиться со мной. Сразу предупреждаю тебя, Михаил, заинтересованных лиц в этом деле много, но твоя доля уже определена – пятьдесят процентов.

И без того маленькие глаза Кудряша превратились в две узкие щелочки, но Петр Васильевич, вступив на привычную стезю деловых переговоров, уже обрел душевное равновесие и выдержал этот пронизывающий взгляд с достоинством.

– Я, конечно, слышал о находке твоей супруги, Петр Васильевич, но ведь, кажется, там речь шла о миллиарде?

– Где один миллиард, там и четыре, – отозвался Хлестов.

Кудряшов дураком не был и соображал очень быстро, особенно когда дело касалось денег. Хлестов почти не сомневался, что губернский мафиози сильно огорчился, что такой куш, найденный, можно сказать, на помойке, проплыл мимо его рта прямехонько в государственную казну. Будучи человеком амбициозным, Кудряш полагал, что выскочки, которым выпало счастье наткнуться на золотые россыпи, должны были прежде всего поделиться с крестным отцом. Но, увы, ныне во всех сферах орудуют беспредельщики, не признающие законов и плюющие на заведенный авторитетными людьми порядок.

– Так ты считаешь, что они не все ценности отдали государству?

– Можно подумать, что ты отдал бы все, до последнего цента! – ухмыльнулся Хлестов.

– А зачем вообще было светиться, – пожал плечами Кудряш, – обратились бы к сведущим людям...

– Которые обобрали бы их до нитки, – дополнил мафиози финансист. – Бывшая моя супруга хоть и стерва, но не набитая дура. У нее не было за душой ни гроша, а теперь она ворочает сотнями миллионов. Причем легальных миллионов. С такими деньжищами можно организовать несколько каналов сбыта и без проблем вывезти ценности за границу.

– Но ведь ее будут пасти!

– Разумеется. Я же сказал, заинтересованных лиц в этом деле с избытком. Но именно это обилие охочих до чужого добра лиц и делает позиции государственных структур уязвимыми. Им просто не позволят вмешаться.

– Ну, Петр Васильевич, – покачал головой Кудряшов, – ты хоть знаешь, куда меня толкаешь?

– Догадываюсь, – пожал плечами Хлестов. – Но большие деньги без крови не даются, Миша, и кому, как не тебе, это знать. А здесь не просто большие деньги – здесь речь идет о трех миллиардах долларов.

– Откуда у тебя такие сведения? Жена, что ли, поделилась?

– Сведения получены из самого что ни на есть надежного источника – из прокуратуры.

– Значит, и эти зашевелились, – вздохнул Кудряш.

– «Эти», – усмехнулся Хлестов, – далеко не самые опасные наши оппоненты. Ты с Ивановым знаком?

– Неужели и Крот в этом деле замешан? – обеспокоенно покачал головой Кудряшов.

– Аркадий Семенович давно охотился за этим кладом, и вдруг Светка обходит его на последнем повороте – можешь представить себе всю степень его огорчения.

– Уже представил, – заржал невесть чем обрадованный Кудряш. – Ну, с этим налимом я как-нибудь справлюсь.

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, – остерег самоуверенного мафиози Хлестов. – У Иванова связи, и, по моим сведениям, он работает на пару с Субботиным. Тебе этот деятель, надо полагать, хорошо знаком.

– Конкурирующая фирма, – недобро усмехнулся Кудряш.

– Вот именно, – согласился Хлестов. – И, наконец, главное, Миша. В этом деле далеко не все чисто.

– Ты на федеральный центр намекаешь?
– Бери выше.
– А куда выше-то?! – поразился мафиози.
– Тогда ниже, – неуверенно отозвался Хлестов. – Я на нечистую силу намекаю, Михаил.
– Ну ты даешь! – Кудряшов хотел было засмеяться, но в последний момент передумал. – Я, Петя, атеист, меня чертом не испугаешь.
– Да не черт он, а оракул, – поморщился хозяин. – Мне о нем Стеблов с Клюевым рассказали.
– Я тебя умоляю, Петр Васильевич, нашел кого слушать – Веню с Гриней.
– Они там были, Михаил. Их привлекал Иванов для каких-то странных дел. Ты с ними переговоры. Тебе они скажут то, что от меня утаили. Есть еще три богатыря, на которых тебе следует обратить внимание. Кузнецов, Ходулин и Кравчинский. Они в доле. И если Светке пришлось с ними делиться, то мальчики они, сам понимаешь, непростые.
– Убедил. – Кудряшов взял со столика шляпу и нахлобучил себе на голову. – А почему моя доля всего пятьдесят процентов – ведь вся грязная работа на мне?
– Так в том-то и дело, что грязная, – мягко улыбнулся Петр Васильевич. – Тебе после нее отмываться придется. А вход в чистилище ныне стоит недешево. Скажу больше, Михаил, разрушить город тебе, конечно, не позволят, но в остальном у тебя руки развязаны.
Гость покинул Хлестова в глубокой задумчивости, а тот, оставшись один, нервно закурил. Дело, в которое он столь опрометчиво ввязался, таило в себе такие подводные течения и неожиданные водовороты, что у Петра Васильевича невольно екала селезенка. Кроме того, его мучило нехорошее предчувствие. После двух несостоявшихся смертей Хлестов стал суеверен, ибо претензия на третье воскрешение в случае нечаянной, но вполне возможной смерти вряд ли будет удовлетворена в небесной канцелярии.

* * *

Для Кудряшова же после встречи с трусливым мужем отчаянной бабенки многое в деле о миллиарде стало ясно. Петя Хлестов, не в обиду ему будет сказано, хоть мужик и не глупый, но размазня. Отказываться от сотрудничества с ним Михаил пока не собирался, памятуя о связях финансиста в городских и областных высших сферах, но вот что касается дележа возможного куша, то здесь надо подумать. Впрочем, делить пока что было нечего, хотя перспективы просматривались довольно отчетливо.

– Стеблова и Клюева ко мне, – отдал приказ Кудряшов своему ближайшему подручному Козлову.

Козлов, несмотря на свою неприличную во всех отношениях фамилию, имел среди братков определенный вес, но в силу ограниченных умственных способностей в паханы не рвался, вполне удовлетворяясь ролью зама при большом боссе Кудряшове. Впрочем, человеком он был цепким и далеко не случайно заработал свою вполне пристойную кликуху Бульдог, на которую и предпочитал отзывать, игнорируя неблагозвучную фамилию.

Кудряшовский «мерседес» еще только подруливал к офису, а его хозяину уже доложили, что Гриня с Веней найдены и через десять минут будут доставлены по указанному адресу. Кофе Кудряш, однако, успел выпить, сидя в своем кабинете за столом из ценных пород дерева. Времена, когда проблемы разрешались на воровских малинах, давно уже канули в лету. Ныне Михаил Кудряшов легализовался уже настолько, что подумывал о месте депутата в городском собрании народных представителей. И уж конечно бы он туда попал, если бы не подвернулось совершенно фантастическое дело, сулящее громадные барыши.

– Ну, гуси-лебеди, – окинул строгим взглядом двух вошедших шестерок Кудряш, – рассказывайте, как докатились до жизни такой.

– Гадом буду, – сказал дрогнувшим голосом Веня.

– Век воли не видать, – ударил себя в грудь кулаком Гриня.

– Такие деньжищи прошляпили, – покачал головой Кудряш, – убить вас мало!

– Кто ж знал, – вздохнул Веня. – Мы ведь оттуда чуть живы ушли.

– Так убили же нас, – не согласился с приятелем Гриня. – Штабс-капитан Друбич, контра недобитая, прямо из двух стволов – бац! А потом еще Вениамину по морде дал, но это уже здесь, в городе, когда они у нас «форд» отобрали.

– Да, – покачал головой Кудряшов. – Случай, я вижу, запущенный и лечению не поддается. Спрашиваю прямо и без обиняков: откуда у Светки золота на миллиард долларов?

– Как на духу, – сделал шаг к столу Гриня. – Оракул дал. Да что ему этот миллиард – тьфу!

– Оракул – это власть над миром, – солидно прокашлялся Веня. – Над прошлым, настоящим и будущим. Так Анатолий Сергеевич сказал, когда мы в морге очнулись.

– Давайте с самого начала и поподробнее, – нахмурился Кудряшов.

Однако поподробнее у Вени и Грини получилось еще хуже. Единственное, что уяснил из их рассказа Кудряшов, так это то, что два придурка столкнулись с каким-то субъектом по прозвищу Оракул, обладающим невероятной мощью. Был ли он живым существом или загадочным механизмом, Кудряшову выяснить так и не удалось. Веня и Гриня противоречили друг другу в каждом слове и ссылались при этом на Крота как на единственного авторитета, обладающего всей необходимой информацией.

– А где сейчас находится Крот?

– Вероятно, в морге, – пожал плечами Веня. – Его убили.

– Когда? – насторожился Кудряшов.

– Тут такое дело, – зачастил Гриня. – Крот поручил Вене купить квартиру на свое имя где-нибудь в тихом месте. Было это еще полгода назад. Зачем она ему понадобилась и что он там собирался делать, я не знаю. Но сегодня поутру он нас туда пригласил. А мы как раз с Веней без копейки денег. Ну, думаем, хоть на пиво заработаем. Ан нет! Открываем дверь – а он там мертвый и вот такой кинжалище в груди торчит. Можете себе представить всю степень нашего разочарования. Попили, называется, пива. Одна надежда, что к вечеру он очнется, вернется из морга и нас угостит.

– Ты хоть соображаешь, что несешь, придурок? – оскалился на Гриню Бульдог, внимательно слушавший показания шестерок.

– А что я такого сказал?! – обиделся Гриня. – Крот уже дважды был покойником, и ничего – живехонек. Наверняка его Дракула пришил.

– Это что еще за Дракула? – удивился Кудряшов.

– Призрак, – охотно пояснил Гриня. – Мы как с Веней мертвого Крота увидел и, так сразу и решили, что оракул вернулся. Вышли тихонечко из квартиры, но дверь оставили распахнутой настежь, сели во дворе на лавочку и стали ждать. И точно: сначала менты подъехали, а потом эти двое, призрак с Калиостро. Я в этого Калиостро лично пулю из «макарова» выпустил, а ему хоть бы хны. Разъезжает как ни в чем не бывало на «мерседесе». А ты говоришь – придурок!

У Кудряшова возникло горячее желание повторить подвиг Грини и всадить сразу две пули, по одной на каждого информатора. И ведь даже не скажешь, что пьяные или обкуренные, а несут невесть что.

– Может, их с пристрастием допросить? – спросил Бульдог, разъяренный не меньше шефа.

– Так мы же все вам как на духу, – удивился Гриня. – Как было, так и рассказали. Хотите, я вам этого Калиостро покажу? Я случайно узнал, где он живет. Да и призрак там где-то поблизости обитает.

– Гришка прав, – прокашлялся Венька. – Просто на словах этого объяснить нельзя. Кому ни расскажи, никто не хочет верить. Вы сами с ними пообщайтесь, вот тогда и поймете, что это за фрукты. Только потом на нас не обижайтесь.

– Пугаешь?! – выгнул правую бровь Кудряш.

– С чего ты взял? – отрицательно затряс головой Венька. – Просто предупредил, чтобы вы были поосторожнее.

– Бульдог, – повернулся к заму по криминальной работе Кудряш, – привези ко мне этого Калиостро. Только без рук – просто для душевного разговора.

Получался какой-то балаган и сапоги всмятку. Кудряшов проводил глазами удаляющегося Бульдога с шестерками. Веня с Гриней, конечно, придурки, но не до такой же степени. При чем тут, спрашивается, призраки? Справедливости ради надо отметить, что Хлестов предупреждал своего поделщика, что в этом деле не без чертовщины, но ничего определенного так и не сказал. Петр Васильевич – налим еще тот. А вот Крот – фигура серьезная и не до конца понятная. Сталкиваться с ним Кудряшову не приходилось, но наслышан он о нем был немало. Этот по мелочи суетиться бы не стал. Значит, если его пришили, то за очень хорошую сумму. В то, что Крот воскреснет, Кудряш, разумеется, не верил, ну разве что его смерть Грине с Веней померещилась спяну.

...Бульдог задерживался, Кудряшов взглянул на часы и потянулся к телефону. Однако верный сподвижник почему-то отзываться не спешил. Зато Кудряшов услышал чей-то незнакомый голос, который довольно раздельно произнес:

– Чертова штучка, видимо, шпионский передатчик. Где вы его задержали, товарищи?

– Какие еще товарищи? – переспросил Кудряшов, но трубка отозвалась на его вопрос короткими гудками.

Нельзя сказать, что босс встревожился – мало ли какие шутки выделяет телефонная связь, но полузабытое слово «товарищи» почему-то неприятно его удивило. Недолго думая, Кудряшов сам решил навестить таинственного хмыря по имени Калиостро и вправить ему мозги, а заодно сказать пару теплых слов Бульдогу, которому следовало бы порасторопнее выполнять приказы шефа. К счастью, адрес Калиостро у Кудряшова был. Жил он недалеко от офиса, а потому босс не стал обременять себя охраной, но пистолет на всякий случай прихватил.

– Рули, Антоха, – бросил он задремавшему водителю. – Дома выспишься.

Калиостро жил во дворце, во всяком случае, это довольно приличных размеров здание было одним из самых старинных в городе. По слухам, в далекие тридцатые здесь размещалось областное управление НКВД или ГПУ, словом, не то место, куда бы Кудряшов отправился с легким сердцем. К счастью, времена изменились, и приватизированный особняк ныне перешел во владение авантюриста, заплатившего за него немалую сумму, надо полагать.

– Ты о катале по кличке Калиостро ничего не слышал? – спросил Кудряшов своего водителя.

– Так это вроде давно было, – отозвался Антоха. – Жил такой в восемнадцатом веке. Я про него кино видел.

– Кино, говоришь? – усмехнулся Кудряшов. – Ну, пойдём, посмотрим, что это за кино.

Дверь жалобно скрипнула под напором рассерженного мафиози, но открылась без проблем. Кудряшов на всякий случай нащупал в кармане длинного черного пальто рукоять пистолета. Антоха растерянно сопел за его широкой спиной, сияясь разглядеть в полумраке, кто это так решительно спускается им навстречу по широкой лестнице. Четыре человека в странной форме с кубарями в петлицах действовали столь быстро и напористо, что растерявшийся Кудряшов даже охнуть не успел.

– Какого черта!.. – попробовал он возмутиться, но, получив чувствительный удар по печени, тут же и умолк.

Пистолет из его кармана вытащили в мгновение ока, а руки вывернули так, что Кудряшов ничего не мог видеть, кроме паркета под ногами. Потасили его почему-то не вверх по лестнице, а куда-то вниз, – похоже, в подвал. Слегка оклемавшись после решительного нападения и чувствительного удара, Кудряшов попытался определить, в чьи же лапы он столь неожиданно угодил. Вот вам и кино, вот вам и восемнадцатый век! Неужели Субботин устроил на него засаду? Но ведь с этим сукиным сыном они уже уладили все противоречия и разделили сферы влияния. В последнее время никаких недоразумений между ними вроде бы не возникало. А больше никто в городе не осмелился бы вот так нагло среди бела дня напасть на солидного бизнесмена со специфической репутацией. Неужели в городе появилась банда беспредельщиков, не признающая никаких авторитетов? Кудряшов попытался было распрямиться, но, получив удар на этот раз по ребрам, вновь вернулся в исходное положение. Единственное, что он успел разглядеть, так это специфическую обувь. Конечно, можно было предположить, что бизнесменом с сомнительным прошлым заинтересовались правоохранительные органы, но наши российские милиционеры давно уже не носят брюки галифе, заправленные в начищенные до зеркального блеска сапоги.

Кудряшова и Антоху без церемоний втокнули в какое-то полутемное помещение, освещаемое лишь настольной лампой. Здесь мафиози смог наконец выпрямиться и осмотреться.

– Вот, товарищ Скоков, доставили еще двоих, – раздался за спиной у Кудряшова грубый голос.

Мафиози собрался было повернуть голову, но в последний момент передумал, опасаясь получить еще один удар по и без того нывшим ребрам. Впрочем, рассматривать сидевшего за столом человека никто ему не мешал. Товарищ Скоков очень напоминал господину Кудряшову персонажа из фильма, фильма вовсе не о восемнадцатом веке, а о куда более близкой нам эпохе. Близкой по времени, чтобы не сказать по духу. От сидевшего за столом человека за версту разило сталинизмом. Вот тебе и граф Калиостро!

– Паспорт у него с царским орлом и пистолет в кармане, – прорычал из-за спины Кудряшова все тот же грубый голос

– Разберемся, – мягко отозвался товарищ Скоков. – Садитесь, гражданин...

– Кудряшов Михаил Михайлович, – подсказали от дверей.

Не дожидаясь повторного приглашения, Кудряшов присел на предложенную табуретку. Свет настольной лампы бил сейчас ему в лицо, мешая разглядеть притаившегося в тени незнакомца. Страх мафиози пока не испытывал, но любопытство его разбирало не на шутку. Кому и зачем понадобилось разыгрывать это представление с переодеваниями в стиле советского ампира. Даже мебель сукины сыны подобрали соответствующую, не говоря уже об одежде.

– А у нас к вам есть вопросы, гражданин Кудряшов, – сообщил арестанту товарищ Скоков.

– Так вроде я ни в чем не виноват, – захлебываясь кашлем, выдал из себя мафиози.

– Был бы человек, а статью найдем, – утешил его товарищ Скоков. – Совсем уж безвинных людей к нам не привозят. Вы ведь у нас, кажется, троцкист, гражданин?

– Да уж скорее бухаринец, – усмехнулся Кудряшов, припоминая родную историю.

– Вот видите, – обрадовался товарищ Скоков, – пойдете по расстрельной статье. Контрреволюционный заговор и измена Родине.

– Родине я не изменял, – возразил Кудряшов. – А что касается заговора, то пожалуй. Я либерал по убеждениям.

– Кадет, значит. Так и запишем.

– А какой у нас сейчас год, гражданин следователь? – на всякий случай уточнил мафиози.

– Не надо только под психа косить, гражданин, – поморщился Скоков. – И вам неприятности, и нам лишние хлопоты. А год у нас сейчас на дворе тридцать восьмой.

Кудряшов рассмеялся. Хотел бы он знать, кто его так талантливо разыгрывает? Надо же, кабинет в подвале, лампа в лицо. Кем бы ни был этот таинственный Калиостро, но человек он с фантазией, надо признать.

– Перестаньте дурака валять, гражданин Кудряшов, – строго сказал следователь. – Здесь вам не цирк.

– А кто это кричит? – насторожился мафиози.

Крик доносился из-за стены, и хоть был он приглушенным, но не оставлял сомнений в том, что человеку, его издающему, очень больно. Представление Кудряшову переставало нравиться. Кем бы ни были эти люди, они, похоже, не собирались церемониться со своими пленниками.

– Это дает показания ваш спутник. Антохин, кажется. Он тоже бухаринец?

– Слушай, как там тебя, хватит мне голову морочить, – рассердился Кудряшов. – Ты что, чмо, не знаешь, с кем связался?!

– Кобяков, поговори с гражданином.

Кобякова мафиози не успел разглядеть, зато очень хорошо видел хромовые сапоги, которые обрушились на него со всех сторон. Били его минут пять, и били весьма старательно. Кудряшов от боли едва не потерял сознание, но, к счастью, экзекуция закончилась раньше, чем он успел отдать богу душу.

– Вы. ведь, кажется, из нэпманов, гражданин Кудряшов?

– Бизнесмен, – поправил мафиози, с трудом обретая себя на табуретке под взглядом насмешливо прищуренных глаз товарища Скокова. – Владею сетью магазинов.

– Владел, – поправил его следователь. – А за что вы убили Терентия Филипповича Доренко, гражданин?

– Это который Доренко? – искренне удивился Кудряшов.

– Наш сотрудник. Его нашли мертвым сегодня поутру в собственной квартире.

– Не знаю я никакого Доренко, – пожал плечами мафиози.

– А Козлова Бориса Алексеевича вы тоже не знаете?

– Козлова знаю, – не стал запираться Кудряшов. – Мой зам по хозяйственной части.

– Ну, вот видите, – обрадовался следователь. – Кобяков, приведите подследственного.

Бульдога ввели буквально через пару минут, видимо, держали его где-то поблизости. В первую секунду Кудряшов не узнал своего давнего подельника. Лицо Козлова представляло собой сплошной синяк. Судя по всему, «шутники» церемонились с замом еще меньше, чем с шефом. С трудом переставляя ноги, Бульдог проделал несколько шагов по кабинету и упал на табуретку напротив Кудряша.

– Что же это такое... – начал было закипать мафиози, но как раз в этот момент его взгляд упал на конвоирующих Бульдога субъектов, и язык его прирос к небу. Вены и Гриня, облаченные в дурацкие гимнастерки с кубарями в петлицах, нагло ухмылялись ему прямо в лицо. У Кудряшова теперь уже не было сомнений, что его заманили в ловушку с помощью двух этих шестерок, чтоб им ни дна ни крыши. Ну, дайте срок, сволочи, и вы еще узнаете, кто такой Кудряш!

– Так вы признаете свою вину, гражданин Козлов?

– Признаю, – глухо произнес Бульдог.

– И этого гражданина узнаете?

– Узнаю, – кивнул подследственный. – Это он отдал мне приказ устранить Доренко.

– Ты что несешь? – ошалело уставился на подельника Кудряш. – Какой Доренко? Я тебя в дерьме закопаю, сука.

– Кобяков, прочисти мозги гражданину. Что-то у него память слабость начала.

На этот раз избиение продолжалось дольше, и Кудряшов, кажется, потерял сознание, а очнулся он от ласкового голоса следователя Скокова:

– Зря упорствуете, Михаил Михайлович, вот уже и ваш шофер Антохин дал показания.

Кудряшов несколько раз тряхнул головой, чтобы избавиться от звона в ушах, и с помощью услужливого Гриня вернулся на табуретку. Впрочем, Гриня вообще проявил себя в данной ситуации человеком старательным. Кудряшов очень хорошо запомнил его сапог, который все время норовил заехать ему в лицо.

– Так подпишете протокол, гражданин? – лениво переспросил Скоков.

– Давайте, – прохрипел мафиози и, не глядя, подмахнул бумагу.

– Ну что же, товарищи, – облегченно вздохнул следователь, – с врагами народа церемониться не будем – в расход. Да, чуть не забыл, там наверху заседает тройка. Отведите их туда, пусть заслушают приговор.

– А адвокаты? – просипел разбитым ртом сведущий в юридических тонкостях Антохин.

– Шутник, – погрозил ему пальцем Скоков. – Буржуазные пережитки пролетарскому суду ни к чему.

Приговор Кудряшов выслушал словно во сне. Просто встали три одетых в гимнастерки товарища, и один из них зачитал что-то по бумажке. Кажется, мафиози все-таки изменил Родине с какой-то иностранной державой, а возможно, ему это только почудилось. Но в любом случае процедура суда не заняла слишком много времени, ну, может быть, минут пять от силы.

– Пошли, контра, – толкнул его в плечо Веня Стеблов. – Кончилось ваше время.

– Нас что же, расстреляют? – растерянно произнес Антохин, спускаясь по лестнице.

Однако его вопрос остался без ответа. Приговоренных вывели через задний ход во двор и поставили к стенке, прямо под падающие с крыш холодные капли. Кудряшов, все еще не веря в реальность происходящего, взглянул на затянутое тучами небо и смачно выругался. Выстроившаяся напротив приговоренных тройка подняла револьверы. Дуло одного из них целило прямо в лоб Кудряшову.

– Ну Веня, – просипел севшим голосом мафиози, – в случае чего я тебя и на том свете достану.

Больше он ничего не успел сказать. Сухо щелкнули три выстрела, яркая вспышка ослепила Кудряшова, и он рухнул в черную бездну, без всякой надежды на возвращение в этот негостеприимный мир.

* * *

Утром озабоченного текучкой Сухарева ожидал сюрприз, который преподнес ему следователь Углов. Обычно самоуверенный Костя выглядел в этот раз растерянным и слегка смущенным.

– Тут такое дело, Василий Валентинович, – сказал он, плотно прикрывая за собой дверь кабинета, – Кудряшов свихнулся. В смысле сдвинулся по фазе.

– Это который Кудряшов? – удивился Сухарев.

– Тот самый. Твой крестник. Это ведь ты ему первую ходку организовал?

– Так это когда еще было, – махнул рукой Василий Валентинович, с удовольствием потягивая кофе, предложенный гостеприимным хозяином кабинета. – А что он натворил?

– В этот раз натворил не он, – понизил голос почти до шепота Углов. – Натворили с ним. Совершенно дикая история. Сегодня рано поутру милицейский наряд обнаружил на асфальте чуть ли не в центре города трех приличного вида мужчин. То есть лежат себе и в ус не дуют. Сначала милиционеры сочли их пьяными, потом мертвыми, ну и, естественно, доставили в больницу, где пострадавшие очнулись. А очнувшись, начали нести такую ахинею, что милиционеры и врачи не знали: плакать или смеяться на них гляючи. Этим трем придурков, я имею в виду Кудряшова, Козлова и Антохина, якобы расстреляли в НКВД, обвинив в убийстве какого-то Доренко Терентия Филипповича, а также в измене Родине, сотрудничестве с иностранными разведками и контрреволюционном заговоре. Они даже фамилию следователя называли – Скоков.

– А где это происходило?

– Во дворце графа Калиостро, можешь себе это представить?

– И где этот дворец находится?

– На улице Советской. Там, где раньше горкомхоз был. А сейчас его какому-то чудачу продали. Здание ведь, кажется, еще дореволюционной постройки.

– Фамилию нового владельца выяснил?

– Некий Кравчинский Аполлон Григорьевич. Я ведь почему тебе эту историю рассказываю, Василий Валентинович, пострадавшие утверждают, что их избили зверски перед тем, как расстрелять, но никаких следов побоев медики на их телах не обнаружили, не говоря уже о пулевых ранениях. И тем не менее милиционеры – а в наряде были опытные ребята – приняли их за покойников. Вот мне и подумалось, не связано ли это происшествие со вчерашним убийством, которое тоже на проверку обернулось пшиком?

Предположение Углова показалось Сухареву обоснованным, не говоря уже о том, что фамилия нового владельца особняка показалась ему знакомой. Этот Кравчинский уже упоминался в разговоре с Хлестовым, а также числился в списке счастливых кладоискателей.

– Фамилия твоего вчерашнего несостоявшегося покойника Иванов. Имя Аркадий Семенович. Очень известный в городе бизнесмен и хороший знакомый четы Хлестовых. По словам Петра Васильевича, Иванов был буквально одержим поисками клада, который в результате достался совсем другим людям.

Углов с большим интересом выслушал подробный рассказ Сухарева о встрече с видным финансистом. Рассказ изобилует такими фантастическими подробностями, что молодой следователь только головой качал.

– По-моему, он просто псих, этот твой Хлестов, Василий Валентинович.

– Очень может быть, – легко согласился Сухарев. – Но, согласись, здесь есть и настоящие обстоятельства: уж очень похож его рассказ на то, о чем говорят Кудряшов, Козлов и Антохин. Эпоха, конечно, другая, но случаи похожи: смерть, а потом воскрешение. Если эти люди не сговорились морочить нам голову, то ситуация складывается более чем странная.

– Может, их гипнотизируют?

– Хлестов высказывал такое же предположение и даже назвал имя и фамилию человека, который, по его мнению, злоупотребляет своим даром.

– И кто же этот фокусник-гипнотизер?

– Кравчинский Аполлон Григорьевич, по прозвищу граф Калиостро, а по профессии, кажется, литератор.

– Любопытно, – задумчиво произнес Углов.

– Более чем любопытно, – согласился с ним Сухарев. – У меня к тебе просьба, Костя: узнай, кому этот загадочный особняк принадлежал до революции и какие учреждения там размещались в советское время.

– Сделаю, – пообещал Углов. – Я только не понимаю одного, Василий Валентинович, если Иванов человек далеко не бедный, то зачем ему понадобилось покупать квартиру в старом доме, где обитают одни пролетарии?

– Правильно, Костя. Узнай, когда этот дом был построен и кто в нем жил все эти годы.

Сам Сухарев отправился к загадочному дворцу, в надежде поговорить с его новым хозяином. Увы, надежды Василия Валентиновича не оправдались. Дверь особняка была заперта наглухо, да и вообще создавалось впечатление, что здесь никто не жил. Тем не менее Сухарев не поленился обойти здание по периметру, заглядывая во все окна. Ничего примечательного он не обнаружил и еще более утвердился в мысли, что это здание нежилое. И что вряд ли здесь могли происходить этой ночью какие-то примечательные события. Между прочим, черный вход был не просто закрыт, а заколочен досками крест-накрест. Сухарев на всякий случай потрогал и эти доски. К его удивлению, доски поддались слабому нажиму. Недолго думая, он оторвал их от косяков и отложил в сторону. Дверь же открылась без всяких проблем. Василий Валентинович проник в чужой дом без угрызений совести, тем более что никого он этим своим визитом здесь не потревожил. Изнутри солидный дворец представлял собой довольно жалкое зрелище, зато битого стекла и обломков мебели – с избытком. Пройдя по широкой лестнице на второй этаж, Сухарев собственными глазами убедился, что и здесь царит запустение. И что, кроме, пожалуй, бомжей, никто сюда не заглядывал на протяжении нескольких месяцев. Новый владелец не торопился с ремонтом, отлично, видимо, понимая, что реставрация особняка влетит ему в копеечку.

Шум внизу заставил следователя насторожиться. Кажется, там о чем-то спорили только что вошедшие в здание люди. Стараясь не привлекать к себе внимания, следователь подошел к лестнице и глянул вниз. В холле стояли три парня. Двое – в длинных черных пальто, со шляпами в руках, похожие на братьев-близнецов, а третий – в кожаной куртке и вязаной шапочке на голове. К сожалению, говорили они не очень громко, так что Сухарев не сумел уяснить, чем же недовольны эти молодые люди.

– А нас, кажется, подслушивают? – сказал вдруг довольно громко парень в куртке и резко вскинул голову.

Василий Валентинович развел руками, извиняясь за свой предосудительный поступок, и стал медленно спускаться по лестнице. Молодые люди с интересом разглядывали незнакомца, но никаких враждебных намерений не выказывали.

– Это ваши «жигули» стоят у подъезда моего дома? – спросил Сухарева молодой человек в черном пальто, чуть прищуривав карие насмешливые глаза.

– Мои, – не стал отрицать Василий Валентинович. – А вы, следовательно, Аполлон Григорьевич Кравчинский?

– С кем имею честь? – вежливо склонил обнаженную голову хозяин дворца.

– Сухарев Василий Валентинович, следователь прокуратуры. Вот мои документы. Прошу прощения за бесцеремонное вторжение, но к нам поступил сигнал, что в этом доме минувшей ночью происходили странные вещи.

– Вероятно, шалят бомжи, – пожал плечами Кравчинский. – Я приобрел этот особняк недавно и еще не успел приступить к ремонту.

– Вчера ночью здесь расстреляли трех человек. Во всяком случае, потерпевшие утверждают, что их именно расстреляли.

– Забавно, – холодно заметил парень в кожаной куртке. – Так вы ищете следы крови?

– Нет, я не ишу здесь следы крови, господин Друбич, и вы отлично знаете почему.

– Кузнецов, с вашего позволения. Кузнецов Ярослав Всеволодович.

– А вы, стало быть, Николай Ходулин? – обернулся Сухарев к третьему молодому человеку. – Он же граф Глинский, он же Дракула. Кстати, а этот дворец до революции случайно не Глинским принадлежал?

– Допустим, – не сразу отозвался на вопрос следователя молодой человек с надменным красивым лицом и холодными голубыми глазами. – И что с того?

– Ничего. Я просто спросил. Мне почему-то показалось, что этот дворец приобретен не случайно. Он что, как-то связан с оракулом?

Молодые люди переглянулись, но отвечать на прямо поставленный вопрос не торопились.

– Вы, кстати, в курсе, господа, что ваш хороший знакомый, Аркадий Семенович Иванов, убит вчера ночью?

– Мы в курсе, – холодно отозвался Николай Ходулин. – Его убил я.

– Потрясающее признание, – слегка смутился Сухарев. – И вы не боитесь, что я вас арестую?

– У вас нет трупа, – мягко улыбнулся Кравчинский. – Кроме того, Аркадий Семенович жив-здоров, чего и вам желает.

– Откуда вы знаете?

– Мы сопровождали машину, которая увозила его в морг. К сожалению, нам не удалось его задержать. Он выпрыгнул на перекрестке и скрылся. Быть может, мы пройдем в мой «мерс», Василий Валентинович? А то здесь довольно прохладно.

Сухарев не возражал. Конечно, было опрометчиво доверяться молодым людям, которых он подозревал во многих нехороших делах. Но, с другой стороны, если у них и были недобрые намерения в отношении следователя прокуратуры, то для их осуществления заброшенный дворец годился куда больше, чем новехонькая иномарка. Меж тем Кравчинский сел за руль и повернулся к Сухареву, которому предложили место на заднем сиденье рядом с надменным Ходулиным. Кузнецов сидел справа от водителя.

– От кого вы узнали об оракуле?

– От Хлестова.

– Ну, Петр Васильевич знает не много, – криво усмехнулся Кравчинский.

– Но все же достаточно, чтобы обвинить вас, господин Калиостро, и вас, господин Друбич, во всех смертных грехах.

– Мы действительно участвовали в убийстве императора Петра Васильевича, но только затем, чтобы спасти жизнь реального Хлестова, – пояснил Кравчинский.

– Значит, этот ваш оракул представляет серьезную опасность для жизни людей?

– Он не наш, Василий Валентинович, он – гость из будущего. И опасен он не более чем этот «мерседес», который в руках пьяного или сумасшедшего водителя способен натворить много бед. Оракул – это компьютер будущего. Мы трое сделали все от нас зависящее, чтобы он ушел. К сожалению, он вернулся, вот в чем проблема.

Сказать, что Сухарев поверил своим новым знакомым на все сто процентов, было нельзя. Но, с другой стороны, и подозревать молодых людей в беспардонном вранье не было причины. Да и сам факт, что оракул оказался всего лишь компьютером из необозримого будущего, вселял в сотрудника прокуратуры некоторый оптимизм. В конце концов, бороться с нечистой силой было бы куда труднее, чем с продуктом технического прогресса далеких потомков. Василий Валентинович вроде бы не был суеверным человеком, но... чем черт не шутит, когда Бог спит.

– А почему оракул вернулся?

– Мы полагаем, что его вызвали, – подал голос Кузнецов.

– Зачем?

– Золото, – охотно пояснил Кравчинский. – Люди гибнут за металл.

– И кто это сделал?

– Иванов, разумеется, – пожал плечами Кузнецов. – Он был в храме Йо и, как мы предполагаем, обнаружил там программу или что-нибудь в этом роде, дающее власть над оракулом.

– Но вы же сказали, что оракул ушел?

– У нас есть возможность заставить его уйти и во второй раз, но для этого еще нужно до него добраться. Нисколько не сомневаюсь, что гайосар Йоан Великий сделает все от него зависящее, чтобы на пушечный выстрел не подпустить нас к компьютеру.

– Гайосар – это еще что такое?

– Это человек, обладавший как политической, так и религиозной или идеологической властью, – пояснил Кравчинский. – Чтобы вам было понятнее – гайосарами в нашей стране были Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Возможно, Аркадию Семеновичу захотелось стать четвертым.

– Шутите, господин Калиостро?

– К сожалению, господин Сухарев, я говорю совершенно серьезно. Даже мы, побывавшие во чреве этого монстра, имеем весьма смутные представления о его возможностях. Наверное, Иванов знает больше.

– Именно поэтому вы пытались его убить? – перевел глаза на Ходулина Сухарев.

– Он не пытался убить Иванова, – возразил Кузнецов. – Он, а точнее граф Глинский, убил Доренко Терентия Филипповича, и случилось это в году тридцать седьмом – тридцать восьмом минувшего века. Память оракула сохранила во всех подробностях это происшествие. Глинскому нужна была диадема, которую старший оперуполномоченный украл у него в двадцать седьмом году. Диадема – это ключ к компьютеру.

– Компьютеру, который набит золотом?

– Он набит информацией, Василий Валентинович, а информация в наше время стоит очень дорого, – уточнил Кравчинский.

– И тем не менее вам он заплатил золотом?

– Скажем так, он вернул нам то, что брал на хранение у наших предков, – пояснил Ходулин. – Сумма получилась немаленькая, но, к сожалению, пришлось делиться с государством.

– Есть сведения, господа, что вы поделились не слишком щедро, – усмехнулся Сухарев. – И это в будущем сулит вам кучу проблем.

– Вы намекаете на Кудряша, гражданин следователь? – нахмурился Кузнецов.

– Прежде всего, я намекаю на правоохранительные органы, Ярослав Всеволодович, ибо сокрытие клада и попытка реализации его содержимого в обход государственных структур карается у нас по закону. А что касается Кудряшова, то сомневаюсь, что он полез в ваш дом, господин Кравчинский, с чисто познавательными целями.

– Все найденные нами ценности мы сдали государству, – повысил голос Кузнецов. – А Кудряш еще пожалеет, что вмешался в это дело.

– Ваши слова можно расценивать как угрозу?

– Боже упаси, – возмутился Кравчинский. – Просто у нас есть очень надежный защитник в лице оракула. Дело в том, что этот чертов компьютер считает Ходулина и Кузнецова значимыми фигурами, наделенными некоей миссией, которых ему поручено охранять, а потому делает все от него зависящее, чтобы защитить вышеназванных господ от поползновений любых структур, как криминальных, так и правоохранительных.

– Ого! – с усмешкой воскликнул Сухарев. – Теперь вы пытаетесь угрожать уже и прокуратуре, господин Калиостро.

– Я никому не угрожаю, господин следователь, – запротестовал Кравчинский. – Просто призываю и вас и прочих заинтересованных лиц к осторожности. Кстати, все сказанное

мною относится и к Аркадию Семеновичу Иванову, и к Екатерине Ходулиной-Кузнецовой, супруге гайосара Ярослава Мудрого.

– Это что еще за Ярослав Мудрый? – удивился Сухарев.

– Ярослав Мудрый – это я, – ответил, повернувшись к следователю, Кузнецов. – Уж извините за нескромность, Василий Валентинович, но так сложились исторические обстоятельства. Кравчинский прав, согласно заложенной программе компьютер просто обязан защитить людей, которых он считает исследователями, любыми средствами. Я подчеркиваю – любыми. Не исключая самых неприятных для окружающих.

– Короче говоря, оракул, чтобы спасти Ходулина и Кузнецова, может запросто спалить город, – дополнил Кравчинский, – или уничтожить всю страну.

– Ну а вас, господин Кравчинский, можно трогать?

– Понятия не имею, – пожал плечами Аполлон. – Я не исследователь, а всего-навсего верховный жрец храма Йо Вадимир. К слову, ваш бывший коллега Анатолий Сергеевич Рябушкин тоже является жрецом.

– А кто он, этот таинственный Йо?

– Не такой уж он и таинственный, Василий Валентинович, – усмехнулся Кравчинский. – Во всяком случае, вы если не вслух, то про себя поминаете его в течение дня неоднократно, при этом даже не подозревая, что тем самым призываете на помощь своих предков.

– Не понимаю? – честно признался Сухарев.

– Русские ведь не случайно называют себя Йоанами, то есть первыми перед Йо. Как объяснил нам один большой знаток русского мата Ванька Митрофанов, он же Каин, зачатие каждого русского происходит всенепременно с участием божественного огня, исходящего все от того же Йо. И этот божественный огонь называется кум. Отсюда слова «кую», «кузница». И распространенное у нас выражение «Йо был с твоей матерью» означает вовсе не оскорбление, как многие считают, а как раз комплимент или обращение к предкам, которые по древним поверьям охраняют своих потомков от неприятностей. Таким образом, если вам на ногу упадет кирпич, то в этот момент вы выражаете свое неудовольствие предкам-чурам, которые недоглядели и не предупредили вас о грозящей ситуации. С этим же кличем наши доблестные воины до сих пор ходят в атаку на врага, Ярослав не даст соврать, призывая тем самым на помощь всех живых и уже ушедших в мир иной Йоанов, а вовсе не оскорбляя врага, как думают некоторые. Это у них там, на Западе, секс, Василий Валентинович, а у нас, как известно, секса нет. У нас вместо секса мания величия. Согласитесь, это большая наглость – претендовать на то, что ты зачат если и не от Бога, то, во всяком случае, при непосредственном его участии. Кстати, люди, зачатые непосредственно от Бога, в древние времена назывались йородами, то есть рожденными от Йо, и обладали выдающимися качествами. Так вот в глазах оракула вот эти скромно сидящие с вами люди являются сыновьями Йо, а следовательно, по своему статусу стоят гораздо выше всех прочих людей и предназначены для того, чтобы править миром.

– Бред, – покачал головой Сухарев.

– К сожалению, это не бред, это программа, которую наши шибко умные потомки заложили в свой компьютер для успешного выполнения эксперимента. И компьютер в силу своей ограниченности просто не способен воспринимать мир вне рамок этого, как вы совершенно справедливо выразились, бреда. Чувство юмора у этого компьютера тоже отсутствует ничто, так что мой вам совет, Василий Валентинович, осторожность и еще раз осторожность. Оракул, по нашим подсчетам, действует в радиусе около пятидесяти километров, следовательно, он контролирует практически весь город.

– В каком смысле контролирует?

– Читает мысли всех находящихся здесь людей и тщательно их анализирует. Наш с вами разговор тоже не ускользнул от его внимания. Поэтому у меня к вам просьба, Васи-

лий Валентинович, не предпринимайте никаких действий, не посоветовавшись с нами. И не пытайтесь задержать Иванова без нашего участия. Гайосара Йоана может одолеть только гайосар или йород, то есть Ярослав Кузнецов или Николай Ходулин. Были еще два претендента на звание йорода и гайосара, я имею в виду, вероятно, известных вам Субботина и Аникеева, которых привлекли соответственно Иванов и Хлестова. Однако Субботин и Аникеев были убиты на божьем суде и потеряли право называться йородами.

– А кто их убил?

– Будем считать, что их убил сам Йо руками молодого человека, сидящего перед вами.

– К сожалению, господа, я ничего вам пока обещать не могу. Но обещаю рассказать обо всем прокурору. Решение в любом случае будет принимать либо он, либо кто-то рангом повыше. Всего хорошего, господа.

Сухарев покинул «мерседес» в довольно скверном настроении. Эти молодые люди, очень может быть, просто пошутили над незадачливым следователем прокуратуры, но если хотя бы половина из того, что они рассказали, правда, то Сухареву предстоит весьма и весьма непростая работа. Но в любом случае просто так отмахнуться от слов Кравчинского он не мог, хотя бы потому, что слишком много людей оказалось втянуто в эту, с позволения сказать, «шутку». Трудно было представить, что такие личности, как Хлестов и Кудряшов, стали бы участвовать в дурацком розыгрыше с риском получить достойный отпор от сотрудников прокуратуры. В конце концов, и у того, и у другого накопилось за душой много грехов, которые могут всплыть в любую минуту с достаточно серьезными для шутников последствиями. Верный своим привычкам, Василий Валентинович с выводами, однако, не торопился. Нужны были факты либо подтверждающие озвученную новыми знакомыми версию развития событий, либо опровергающие ее. Кое-что Сухареву удалось узнать, прежде чем его вызвал Лютиков. Прокурор уже знал и о пропаже еще одного трупа, и о якобы расстрелянных, а потом воскресших Кудряшове, Козлове и Антохине.

– Ну ладно бы эти обкуренные шестерки, – покачал головой прокурор, – но Кудряша я прежде за серьезного человека держал. А сейчас даже не знаю, то ли камеру для него готовить, то ли палату в психиатрической лечебнице.

Последние слова можно было расценивать как шутку, поэтому Сухарев счел своим долгом улыбнуться. Однако улыбка вышла натянутой и как нельзя более подошла к озабоченному выражению лица следователя.

– Докладывай, – коротко бросил прокурор, оценивший наконец серьезность момента.

Сухарев начал по порядку, но, к сожалению, существо дела изобиловало такими фантастическими подробностями, что прокурор Лютиков сначала нахмурился, а потом и вовсе заподозрил следователя Сухарева в рано развившемся маразме. При иных обстоятельствах Василий Валентинович на такое подозрение начальства, пусть и высказанное намеками, непременно обиделся бы, но в этот раз он только напомнил прокурору, и тоже вскользь, о его собственном промахе с ожившими покойниками. Лютиков, задетый за живое, побурел не только лицом, но и шеей, однако выдержки не потерял и дослушал следователя до конца. А экскурс в историю русского мата ему даже понравился, и он не отказал себе в удовольствии посмаковать всем известное выражение, произнеся его в нескольких вариациях.

– Так этот Кравчинский, говоришь, поэт?

– По крайней мере, весьма информированная по части мата личность, – с усмешкой отозвался Сухарев. – К сожалению, нам пока нечего этим людям предьявить, вот они и резвятся в свое удовольствие. Йороды, понимаешь...

Лютиков шутку следователя оценил коротким смешком. Да и вообще, кажется, вполне остался доволен его докладом. Видимо, Ивана Николаевича всерьез мучили сомнения по поводу своей адекватности в этой истории с ожившими покойниками. Теперь со слов трез-

вомыслящего следователя Сухарева выходило, что с психическим здоровьем у прокурора все в порядке и он отнюдь не заработался, как полагают некоторые, а способен достаточно трезво оценивать реальность, которая, правда, стала выходить из-под контроля. Но это уже не по вине Ивана Николаевича Лютикова.

– Так ты считаешь, что этот оракул существует?

– Ну допускаю такую возможность, – осторожно отозвался Сухарев. – Возможно, мы имеем дело с изобретением какого-нибудь гения. В любом случае этот аппарат или агрегат способен оказывать гипнотическое воздействие даже на очень сильных людей. Возьмите хотя бы того же Костю Углова, ведь у него же нервы из канатов, не то что у нас, грешных. И тем не менее он констатирует смерть Иванова. То же самое делают и прибывшие с ним эксперты. Кстати, ведь и милиционеры, обнаружившие тела Кудряшова, Козлова и Антохина, были абсолютно уверены поначалу, что везут в морг покойников.

– Логично, – развел руками Лютиков. – Черт бы побрал этих умников, изобретают невзвесть что, а потом у нормальных людей голова от их выкрутасов болит.

– Есть еще одно странное обстоятельство, Иван Николаевич, – вздохнул Сухарев. – В той самой квартире, где было найдено тело Иванова, в тридцать восьмом году минувшего века действительно был убит сотрудник НКВД Доренко Терентий Филиппович. И убит он был именно так, как описывала свидетельница – ударом кинжала в грудь. По этому делу в том же году было арестовано трое человек. Они признались в убийстве Доренко и были расстреляны по приговору судебной комиссии. Причем события разворачивались в том самом особняке, подле которого и были обнаружены сегодня поутру Кудряшов, Козлов и Антохин.

– А сейчас этот особняк принадлежит знатоку русского мата Кравчинскому?

– Именно. Но пока там полный разор, хозяин еще не приступал к ремонту.

– Может, это просто совпадение?

– Не исключаю, – откашлялся Сухарев. – Но по утверждению Николая Ходулина, Доренко убил некто Глинский, у которого с Терентием Филипповичем были давние счеты.

– А среди расстрелянных Глинского нет?

– Нет, там другие фамилии. Очень может быть, что расстреляли ни в чем не повинных людей. Хотя в деле фигурируют их признательные показания.

– А Иванов здесь при чем?

– Как я выяснил, Доренко Терентий Филиппович доводится родным дедушкой Аркадию Семеновичу. Скажу более, один из тех троих, что я встретил в особняке, а именно Николай Ходулин, признался, что удар кинжалом Иванову нанес именно он.

– А почему вы его не задержали?

– Так ведь Иванов жив, судя по всему. И никакой раны на его теле Углов не обнаружил.

– Бред собачий! – раздраженно бросил прокурор.

– Судя по всему, этот Ходулин доводится родственником Глинским, во всяком случае, эти ребята утверждают, что оракул всего лишь вернул им ценности, взятые на хранение у их предков.

При упоминании о ценностях прокурор Лютиков оживился. В конце концов, клад был единственным фактическим подтверждением тому, что весь этот маразм не является плодом разгоряченного воображения идиота и в деле прослеживается четкий материальный интерес.

– Молодые люди утверждают, что ушедшего было в небытие оракула вернул к жизни все тот же Аркадий Семенович Иванов. И сделал он это из-за золота.

– Выходит, золото у этого оракула еще осталось?

– Выходит, так. Но в этом случае мы можем стать свидетелями отчаянной схватки за сокровища, которые, похоже, оцениваются в миллиарды долларов. Если это игра, Иван

Николаевич, то с поистине чудовищными ставками. Признаюсь, мне таких дел расследовать еще не доводилось.

– Иными словами, тебе требуется помощник?

– Не откажусь, Иван Николаевич.

– Хорошо, привлекай в таком случае Углова, тем более что он уже в курсе дела.

* * *

Хлестов таким разъяренным Кудряшова еще не видел. Если бы не охранники, то Петру Васильевичу солоно бы пришлось под ударами кулаков свихнувшегося мафиози. Вот ведь идиот, прости господи, чуть стрельбу в тихой квартире не устроил! И угораздило же Петра Васильевича связаться мало того что с уголовником, так еще и с неврастеником. Его, видите ли, избили и расстреляли. А сам, между прочим, здоров как бык и на теле ни синяка, ни царапины. Хлестову с большим трудом удалось унять расходившихся гостей, хотя и не без ущерба для мебели и собственного здоровья. По крайней мере, фингал под глазом Петру Васильевичу был обеспечен, и никакой медный пятак делу уже помочь не мог.

Хлестов поправил ворот расстегнувшейся во время инцидента рубахи и обессиленно упал в кресло. Петр Васильевич и смолоду-то не слыл хорошим бойцом, а уж под уклон годов его и вовсе не тянуло к участию в тривиальном мордобое. Было из-за чего хай подымать, в самом деле!

– Я тебя предупреждал, что в этом деле далеко не все чисто? – взвизгнул Хлестов. – А ты только ухмылялся в ответ. Расстреляли его, видишь ли! Да меня уже дважды на тот свет отправляли по милости оракула, а я, как видишь, свеж как огурчик, чего и тебе желаю. Гипноз это, понимаешь? Вас просто поугадили, чтобы вы не путались под ногами у занятых людей и не мешали им грести золото лопатой. Зачем ты поперся на ночь глядя в этот особняк?

– Хотел поближе познакомиться с твоим приятелем Калиостро, – скривил губы в недоброй усмешке Кудряшов.

– Познакомился?

– Не серди меня, Петя, иначе тебе и твои охранники не помогут!

– Глупо, – зябко передернул плечами Хлестов. – Пришел, наскандалил, дал в глаз ни в чем не повинному человеку. Ну и какой ты после этого деловой партнер?! Ведь ничего же не случилось, никакого ущерба ты не понес, ни физического, ни материального.

Кудряшов слегка смутился, чего прежде с ним никогда не бывало, и даже попытался оправдаться:

– Но и ты меня пойми, Петр Васильевич, не каждый же день человека к стенке ставят.

– Ладно, Михаил, давай выпьем мировую. – Хлестов протянул скандальному гостю бокал. – Другой бы тебя не понял, а я, переживший нечто подобное, очень хорошо понимаю. Кошмары до сих пор по ночам мучают. Ну, твое здоровье.

Выпитые очень к месту двести граммов коньяка сняли напряжение в разговоре. Кудряшов размяк и смотрел на своего собеседника не столько злыми, сколько встревоженными глазами.

– Значит, гипноз, говоришь?

– Именно, – подтвердил с охотой Хлестов. – Кстати, по моим сведениям, вчера утром обнаружили бездыханное тело еще одного человека – Иванова Аркадия Семеновича, тебе неизвестного. Вот кого, Миша, тебе надо бы пощупать. Но с Кротом ухо следует держать остро. Этот, брат, любого обведет вокруг пальца. Да и вообще человек он опасный. Тебе бы с Субботиным договориться.

– Ты же знаешь, что мы с ним на ножах.

– Какие могут быть ножи, когда речь идет о миллиардах долларов, – возмутился Хлестов. – Надо полагать, Субботин не враг самому себе. Тем более Иванов его кинул.

– Откуда ты знаешь?

– Клад-то ведь был найден, – понизил голос Хлестов, – а Субботин остался при своих интересах.

– Но ведь и Кроту ничего не обломилось, – пожал плечами Кудряшов.

– А ты откуда знаешь?

– Допросил я тут с пристрастием двух гавриков, Стеблова и Клюева. Они много мне чего порассказали. Вот только не знаю, можно им верить или нет. Уж больно история получается сумасшедшая.

– А деньги?! – напомнил Хлестов. – Деньги, по-твоему, не сумасшедшие?!

– Иванов не получил ничего. Хотя в храме какого-то Йо они действительно были. По словам Вени, все ценности прибрали к рукам эти трое – поручик Друбич, Калиостро и призрак. Я пока Веню с Гриней допрашивал, у меня чуть мозги не скисли. Такую ахиною они несли! Если бы сам не прошел через нечто подобное, ни за что бы им не поверил. Пристрелил бы за вранье к чертовой матери, и дело к стороне.

– Пристрелить ты их всегда успеешь, – усмехнулся Хлестов. – А для начала пошли со слезной мольбой к Субботину: так, мол, и так, обещал Крот с нами расплатиться по-честному и надул самым бессовестным образом. Большие деньги хапнул, а нам и гроша ломаного не дал.

– Думаешь, Субботин им поверит?

– Субботин, в отличие от тебя, в этом храме Йо был, и к Аркадию Семеновичу у него свой счет имеется.

– Дался тебе этот Иванов, – сердито огрызнулся Кудряшов. – На самом-то деле все денежки сгребла твоя дорогая женушка. Она сидит на миллионах.

– Светкины деньги нам уже не достать, во всяком случае, те из них, что официально положены в банк. Но ведь всю эту суету с оракулом затеял именно Иванов. Именно он продал Светке диадему, которая являлась ключом к оракулу, а сам решил понаблюдать со стороны. Светка куш сорвала, а Иванов остался ни с чем. Что бы ты на его месте сделал?

– Потребовал бы свою долю, – пожал плечами Кудряшов.

– Правильно, – согласился Хлестов. – И уверяю тебя, Светка бы с ним поделилась. Зачем ей такой враг, как Крот. Она ведь не дура и отлично понимает, с кем имеет дело в лице Иванова. Тем не менее Аркадий Семенович долю свою с нее не требует. Почему? А потому что он теперь точно знает, где и с кого получить сумму в десятки раз большую, чем та, которую получила Светка. Для него этот миллиард мелочь, о которую он не стал даже руки марать.

Кудряшов вынужден был признать, что у Хлестова мозги варят. Оба они, и Кудряшов, и Хлестов, очень хорошо знали Крота. Во всяком случае, знали настолько, чтобы не поверить в его бескорыстие. Этот сукин сын свое из горла вынет. А тут вдруг оставил огромные деньги вздорной бабе и трем щенкам, не предприняв даже попытки добиться справедливого дележа.

– Пусть Субботин похлопочет о своих интересах, – криво усмехнулся Петр Васильевич, – а мы пока понаблюдаем со стороны, чтобы вмешаться в самый решительный момент. Сдается мне, Миша, что момент этот наступит очень скоро.

– Убедил, – решительно поднялся с кресла Кудряшов, – но и этих сосунков я тоже слегка пощупаю.

– Только я тебя умоляю, Михаил, не торопись и не зарывайся. И не суй голову в пекло. Что у тебя, шестерок мало? Дело уж слишком опасное и неординарное, тут каждый шаг соизмерять надо.

Кудряшов, скрепя сердце, вынужден был признать правоту Хлестова. Повел он себя в этом деле с самого начала как последний лох. Ведь знал же, что с Бульдогом что-то случилось, так нет, зачем-то поперся в этот дом практически в одиночку, с дураком Антохой в качестве прикрытия. А ведь мог бы для начала послать туда десяток ребят, чтобы они всех этих липовых чекистов согнули в бараний рог. Пугливый Петя Хлестов считает, что к ним применяли гипноз. Очень может быть. Иначе чем объяснишь, что такой проверенный кореш, как Бульдог, раскис на допросе и сдал своего шефа. Вот и доверяй после этого людям. Справедливости ради надо отметить, что и сам Кудряш проявил себя не с лучшей стороны. Бумагу-то он подписал. А ведь его и прежде били, и не раз, но слабины он никогда не давал. Гипноз гипнозом, но и обретенные деньги расслабляюще действуют на организм. Не хочется умирать при такой светлой житухе и терять нажитое тоже не хочется. А хочется приумножать капиталы. Да только деньги без риска для жизни не даются. Вот и получается замкнутый круг.

Веня с Гриней внимали боссу с большим вниманием. Физиономии у них были здорово подпорчены кулаками криминальных дознавателей, но, в конце концов, побитая морда – это еще не повод для недоверия.

– Скажете Субботе, что это люди Крота вас так разукрасили, когда вы обратились к нему за деньгами.

– Усек, – прошамкал разбитыми губами Веня. Стеблов с Клюевым свою вину признали лишь частично. Все стрелки они переводили на таинственного оракула, а также на товарищей из НКВД, которые мобилизовали случайных и абсолютно непричастных к органам людей для проведения карательных мероприятий.

– Нас же не мобилизовали! – ощерился в их сторону Бульдог.

В словах Козлова, как ни крути, была своя сермяжная правда. Абы кого в органы не берут. А для честного урки служба в НКВД, пусть даже и не совсем добровольная и по наущению непонятной силы, возможно даже нечистой, – это все-таки огромное пятно в биографии, которое пустой болтовней не отмоешь. Веня с Гриней буквально рвались искупить свою вину, если не кровью, то уж хотя бы бескорыстным служением криминальным силам. Пахан Кудряш рвение шестерок оценил, но на всякий случай пообещал свернуть им цыплячьи шеи, если они вздумают перебежать в стан Субботина. На заверения Вени и Грини вроде «век воли не видать» видный губернский мафиози только рукой махнул...

– Легко отделались, – сказал Гриня, отваливая на потрепанной иномарке от дома Кудряшова.

Веня был настроен более пессимистично и, оглянувшись на висевшую на хвосте «Волгу» Антохи, процедил сквозь зубы:

– Это еще бабушка надвое сказала – отделались или нет. Крот, похоже, опять большое дело проворачивает, а все шишки будут сыпаться на нас.

– Как мы этот миллиард-то проворонили, – расстроено покачал головой Гриня. – Ведь, можно сказать, в шаге от нас был, только руку протяни. Такие деньги, а достались натуральным лохам.

– Кто лох, а кто нет – время покажет, – угрюмо отозвался Веня. – Смотри, не проговоришься у Субботина, мне в третий раз не хочется в мертвяках оказаться. Тем более что оракул нас в этот раз воскрешать не будет.

Все-таки воспоминание о собственной смерти, пусть и не до конца состоявшейся, не добавляет человеку оптимизма во время выполнения ответственного спецзадания в тылу врага. Если бы у Стеблова была хотя бы малейшая возможность уклониться от возложенной на него почетной миссии, он бы, разумеется, воспользовался ею без промедления. Но, увы, с Кудряшом шутки плохи, и в случае чего, он свою угрозу приведет в исполнение, не моргнув

глазом. Кроме всего прочего, Веню с Гриней притягивали деньги. Совершенно сумасшедшие ценности, которые таскал в своем чреве этот чертов оракул. И вот так просто отвалить в сторону от больших бабок – можно сказать, бросовых – было выше их сил. Приходилось рисковать и здоровьем, и нервной системой, да и самой жизнью. Но ведь недаром же говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанское. Конечно, всего золота оракула им в любом случае не видать. Слишком уж могущественные силы крутятся вокруг. И главная сложность для Вени и Грини была в том, на чью сторону встать в этом титаническом противостоянии. Или кого предать с большей для себя выгодой. Пока что Кудряшов казался Стеблову более серьезной силой, чем Субботин, но время покажет, за кем в этой драчке будет верх.

Субботин жил что твой король – в собственном особняке, который если и не дотягивал до звания дворца, то самую малость. Стеблову о такой «хате» приходилось только мечтать. Нет, ну скажите на милость, почему Веня должен жить в собачьей конуре, в то время как Сашка Субботин обитает в хороминах с сауной и бассейном?! Или этого писателишку возьмите, Аполлошу Кравчинского, ну полное ведь ничтожество, а отхватил дворец в центре города. Да что же это такое делается, граждане дорогие?! Есть ли справедливость на этом свете?!

– При чем тут справедливость? – удивился Гриня патетике, прозвучавшей в словах подельника. – Все-таки прав Кудряш, работа в органах на тебе плохо отразилась, Веня.

В особняке криминального босса Субботина гостей не ждали. Да и гости были не того ранга, чтобы сразу являть их пред светлые начальственные очи. Веню с Гриней почти час протомили в прихожей, пока Субботин предавался отдохновению в компании с какими-то девахами. Вышел он из сауны распаренный и, кажется, вполне довольный жизнью. Веня с Гриней поспешили испортить настроение благодушно взирающему на мир криминальному авторитету.

– Подожди, – остановил затараторившего Гриню Субботин, – Светка вроде свой клад в развалинах графского дворца нашла.

Криминальный босс сидел в кресле с огромной кружкой пива в руках, а гости стояли в отдалении под присмотром верных быков и любовались волосатыми Сашкиными ногами, выглядывающими из-под короткого халата. Веня сглотнул подступившую слюну и вздохнул. В данную минуту он не отказался бы ни от сауны, ни от пива, ни от девах. К сожалению, ни того, ни другого, ни третьего ему никто и не думал предлагать.

– Сказки для умственно отсталых, – криво усмехнулся Гриня. – Хлестова и Иванов поживились от оракула, я знаю это абсолютно точно. А когда мы потребовали от Крота долю, то он натравил на нас своих шавок. Видал, как отделали, живого места нет.

Субботин нахмурился. О дурацком храме он хранил нерадостные воспоминания. Кажется, он там с кем-то дрался, и вроде бы его даже убили. Аркадий Семенович уверял его, что все это сон, и не более того-. А дело, ради которого они прибыли в зачуханную деревушку, просто не выгорело, поскольку Субботин с подельниками перепились чуть ли не до умопомрачения на лоне природы. Объяснение было разумным, и авторитет не стал досаждать более Кроту шизофреническим бредом, приключившимся с ним по случаю большого выпивона. В конце концов, кому охота прослыть психом в глазах как соратников, так и прочих окружающих людей. Честно говоря, Субботину даже и в голову не пришло сопоставить собственное отдохновение на лоне природы и грандиозную находку, сделанную Светкой Хлестовой в купленных по случаю графских развалинах.

– Этот миллиард, подаренный ими государству, просто тьфу по сравнению с тем, что они уже хапнули и собираются хапнуть еще.

– Кто «они»? – нахмурился Субботин.

– Иванов со Светкой и эти три хмыря, я имею в виду Кравчинского, Кузнецова и Ходулина.

Последние фамилии ровным счетом ничего Субботину не сказали, зато он вдруг ясно увидел лицо человека, вонзающего ему в живот свой меч. Воспоминание было столь отчетливым, что авторитет едва не захлебнулся пивом. Подскочивший Гриня с готовностью похлопал авторитета по спине и тем не только значительно облегчил его страдания, но и простимулировал память.

– Йороды! – воскликнул вдруг Субботин.

– Натуральные уроды, – с охотой подтвердил Гриня.

– Идиот, – брызнул слюной авторитет, вскакивая. – Я был вождем и йородом и меня убил один тип по имени Ярослав.

– Это Друбич, точнее Кузнецов, – пояснил Веня. – Нас с Гриней он отправлял на тот свет дважды.

– Тогда почему вы живы? – нахмурился Субботин.

– Издержки большой игры, – важно произнес Гриня позаимствованную где-то фразу. – Спроси об этом у Крота. И потребуй плату за эти самые издержки.

– А о какой сумме идет речь?

– Миллиарды! Этот оракул буквально набит золотом.

– А кто он такой, этот оракул?

– Какая-то странная штука, – пожал плечами Гриня. – Возможно, даже инопланетная.

– Несешь черт знает что! – рассердился Субботин.

– Ну, ты, Александр, сам посуди – память отшибает начисто. Кем ты был в прежней жизни, ему неинтересно. Сделает из тебя чекиста – и изволь ловить контру.

– Так уж и чекиста, – недоверчиво усмехнулся авторитет.

– Ну, хорошо, сделает контрой, будешь ловить чекистов. Тебе от этого легче?

– А Иванов здесь при чем?

– У Крота есть ключ от этого агрегата. Вставит в замочную скважину и...

– Что «и»?

– Золото, Александр, золото.

Последний аргумент подействовал на авторитета, как красная тряпка на быка. Субботин так и забегал по обширному холлу, расплескивая недопитое пиво. Человеком он был далеко не хлипкого телосложения, а потому Веня с Гриней слегка шарахнулись от разъяренного босса, дабы не попасть под горячую руку.

– Еще не родился человек, который меня кинет!

– Вот и мы с Вениамином так же подумали, – поддакнул Гриня. – А к кому еще идти за справедливостью, как не к Субботину.

– Где сейчас Иванов?

– Крота мы в последний раз видели, когда его из хитрой квартиры ногами вперед выносили.

– А почему ногами вперед?

– Так он же мертвый был, а потом в очередной раз ожил, – пояснил Веня.

– Бред, – процедил Субботин.

– Машина не без странностей, – поскреб затылок Гриня. – Но с инопланетян какой спрос.

– А что это еще за хитрая квартира? – спросил Субботин.

– Понятия не имеем, – пожал плечами Веня, – но Крот за нее большие бабки заплатил. Хотя и квартирка не ахти, и домишко, где она расположена, старенький. Я, правда, не думаю, что Аркадий Семенович туда вернется, его там наверняка пасут.

– А кто пасет-то?

– Так эти пасут – Друбич, Калиостро и призрак.

– Какой еще призрак?

– Самый натуральный – на вороном коне и с факелом в руке. Местные его до жути боялись. Сколько девок он по окрестным селам перепортил!..

– Я не девка, – криво усмехнулся Субботин.

– А кто спорит, Александр, – спохватился Гриня. – Я это к тому, чтобы ты держался настороже. По слухам, этот граф Глинский продал с потрохами душу не то черту, не то еще кому-то, и гуляет он по свету вот уже более двух сотен лет. Мне деревенские жители много чего о нем порассказали.

– Город не деревня, – жестко сказал Субботин, – у нас он долго не погуляет.

Авторитет отправился на охоту за Кротом, естественно, не один. С собой он прихватил десять накачанных и хорошо вооруженных быков на двух «мерседесах». Сам Субботин подсел в машину к Стеблову. Честь, конечно, большая, но Веня предпочел бы сейчас держаться от авторитета подальше. Чего доброго, устроит стрельбу в центре города на радость правоохранительным органам. Характер у Субботина заполошный, а поэтому от него можно ожидать чего угодно.

Особняк Крота, расположенный, к слову сказать, неподалеку от хором авторитета, был пуст. Даже света в окнах не было. Посланный на разведку Гриня вернулся ни с чем и виновато развел руками:

– Дверь заперта наглухо. На стук никто не отозвался.

– Ладно, поехали, – распорядился Субботин.

– А куда рулим?

– К хитрой квартире. Раз Крот за нее большие деньги заплатил, значит, сделал он это не без причины.

Рассуждал Субботин, конечно, логично, но Стеблову очень не хотелось соваться с бухты-барахты в подозрительное место. Вчера они с Бульдогом наведались во дворец, купленный охламоном Кравчинским, и нарвались на большие неприятности. Конечно, Кудряшу, Антохе и Бульдогу крупно повезло, и оракул воскресил их на беду тех же Стеблова и Клюева, которые на собственной шкуре испытали всю силу гнева обиженного НКВД мафиози. Очень может быть, что достанется им на орехи и от другого крупного криминального авторитета. И, кстати говоря, вполне заслуженно: нечего лезть с суконным рылом в калашный ряд.

В хитрой квартире свет горел. Ничего странного в этом на первый взгляд не было. В конце концов, никакого преступления Иванов не совершил. Просто потерял сознание и по ошибке был принят за мертвого. Потом отлежался, очнулся и вернулся домой. Какие могут быть претензии у правоохранительных органов к больному человеку?

– Может, лучше нам сюда днем наведаться? – осторожно предложил Веня.

– Заткнись, – коротко бросил ему авторитет.

Посланные на разведку быки тщательно осмотрели двор и подъезд, но ничего подозрительного не обнаружили. Связь с ними Субботин осуществлял по рации. Техническое оснащение у банды было на самом высоком уровне. Быкам было приказано взять под контроль всю округу и немедленно сообщать боссу о появлении подозрительных лиц.

После отданных распоряжений Субботин проверил свой пистолет и покинул, наконец, стебловскую лайбу, прихватив с собой как ее хозяина, так и его соратника Гриню. Веня и Гриня в бой не рвались, а болтались в арьергарде штурмовой группы из трех человек, брошенной авторитетом на хлипкую дверь хитрой квартиры. Дверь, впрочем, ломать не стали, а аккуратно открыли отмычкой. После чего три быка вихрем ворвались внутрь. Никакого сопротивления они не встретили, по той простой причине, что в квартире никого не было. На кухонном столе стояла бутылка коньяка и банка открытых консервов. Здесь же в блюдечке лежала аккуратно порезанная ломтиками колбаса. Создавалось впечатление, что хозяин собрался было поужинать, но не успел приступить к трапезе. То ли вспомнил о каком-

то важном деле, то ли его пригласили внезапно на свидание. Но, судя по тому, что Иванов не убрал продукты в холодильник, он собирался вернуться домой в самое ближайшее время.

– Квартира пуста, – доложили авторитету бдительные подручные, которым не понадобилось много времени, чтобы осмотреть помещение.

Из кухни Субботин перешел в единственную комнату и уселся в кресло возле торшера, рассеянный свет которого заинтересованные лица видели с улицы. Веня присел на диван, Гриня – к столу, на котором стоял компьютер. Быки сторожили дверь. Наружная охрана, предупрежденная боссом, признаков жизни пока что не подавала, но, естественно, бдела и готова была в любую минуту подать сигнал в случае появления на горизонте Крота.

Напряженное ожидание длилось уже минут пятнадцать, и Гриня от нечего делать пошевелил мышку компьютера. Компьютер громко заурчал, устрашающе щелкнул, монитор засветился, а испуганный Гриня отшатнулся.

– Тебя кто просил? – цыкнул в его сторону Субботин. – Зачем компьютер включил?

– А кто его включал?! – возмутился Гриня. – Я случайно мышку задел.

– Надо бы посмотреть, – солидно кашлянул с дивана Веня. – Может, у него там важная информация хранится.

– Один момент, – завозился с мышкой Гриня. – Сейчас щелкнем.

Щелчка никто не услышал, зато одна из стен комнаты вдруг закачалась, завибрировала и стала растворяться в воздухе.

– Ты что натворил?! – в ужасе подхватился с дивана Веня.

– А что такое? – растерянно произнес Гриня, отрывая глаза от монитора. – Я ведь только щелкнул.

– Щелкай назад! – крикнул Субботин, но его распоряжение запоздало. Исчезли не только мышка с монитором и системным блоком, но и хитрая квартира вместе с мебелью и сторожившими вход быками.

Авторитет сидел на кочке посреди широкого поля и озирался по сторонам. У Вени и Грини вид был не менее ошалелый. Все-таки подобной метаморфозы не ожидал никто.

– Ты что натворил, придурок? – сказал, поднимаясь с земли, Субботин. – Ты куда нас привез?

– Я извиняюсь, Александр, – залебезил испуганный Гриня. – Что значит привез? На компьютерах не ездят. Там перемещаются в виртуальном пространстве.

– А это что? – поднес к самому Гринину носу пучок травы авторитет. – Это тоже, по-твоему, виртуальное?

– Трава – реальная, – признал Гриня, – но кто мог подумать, что так получится. Я же с компьютером на дружеской ноге. Сколько раз мышкой щелкал, и хоть бы хны.

– Я тебе сейчас не щелкну, идиот, – пообещал Субботин, – я тебе сейчас врежу. От души.

Авторитет обладал немалой физической силой, и Гриня уже втянул голову в плечи в ожидании скорой расправы, когда присмотревшийся к окружающему пейзажу Веня вдруг воскликнул:

– Вот он!

– Кто «он»? – не понял Субботин, отложивший расправу над Ключевым до лучших времен.

– Храм Йо.

Веня указывал пальцем в сторону горизонта, где действительно возвышалось какое-то грандиозное сооружение, но его Субботин поначалу принял за гору.

– А что я говорил! – воспрял духом Гриня.

– Надо идти, – негромко сказал Веня. – Если мы отсюда когда-нибудь выберемся, то только с помощью оракула.

Субботин по укоренившейся привычке проверил пистолет, сунул его в карман пальто и широким шагом двинул в указанном направлении, – похоже, он здесь уже был, да и пейзаж, между прочим, не весенний, а откровенно летний, явно был ему смутно знаком.

– Жарковато здесь, – сказал Гриня, снимая куртку, – прямо лето.

Клюев был прав, но Субботин, несмотря на то что подъем в гору отнимал много сил, снимать пальто не торопился. Все-таки место, куда они угодили по вине придурка Грини, было более чем подозрительным. Сам-то ландшафт по всем приметам был российский. Таких березовых колков, что росли у подножия холма, на Среднерусской равнине не перечесть. Тем резче и чужероднее выступало на фоне привычного пейзажа сооружение, опознанное

Веней Стебловым как храм Йо. Более всего оно напоминало египетские пирамиды, их Субботин сподобился в прошлом году увидеть собственными глазами, когда совершал вояж по далекой и почти сказочной стране. А тут, можно сказать, под боком, в черте города, выросла такая махина, возведение которой явно не под силу нашим строителям.

Минут пять Субботин толкся у входа в храм, изучая непонятные знаки, которыми были испещрены его стены. Ничего в тех знаках он, естественно, не понял, зато обрел необходимый настрой для продолжения путешествия. Под своды храма он шагнул с пистолетом в руке.

– Спрячь, – прошипел ему в спину Гриня. – оракул все видит. А людей в храме нет.

Придурок оказался прав: пройдя по широкому и хорошо освещенному тоннелю, путешественники поневоле очутились в зале, и он действительно был пуст. В том смысле, что людей здесь не было, зато в самом центре красовался огромный светящийся шар, сразу же привлечший внимание Субботина. Впрочем, внимание его привлекли и иероглифы на стенах. Один из них вдруг ожил под пристальным взглядом авторитета и отразил, словно на экране телевизора, жизненный путь Субботина – от рождения и по нынешний скорбный день. Было в этом сделанном чьей-то умелой рукой фильме и то, что крутой мафиози тщательно прятал от правоохранительных органов. Кое о каких своих грехах он уже успел забыть и был неприятно поражен, что есть, оказывается, место, где все это фиксируется скрупулезно, с одной, видимо, целью – предъявить в один далеко не прекрасный момент счет гражданину Субботину за несправедно прожитую жизнь. Увиденное испугало авторитета не на шутку. Но были в этом странном фильме и кадры, которые вроде бы выпадали из общего ряда. Во всяком случае, они искажали факты биографии авторитета до полной неузнаваемости, переводя их в плоскость галлюцинаций. Ну, не был Субботин вождем племени и предводителем наемной дружины. И на титул гайосара не претендовал. Тем не менее чертов телевизор бесстрастно показывал ему сцены из исторического боевика, в котором Субботин сыграл едва ли не главную роль и был убит чуть ли не в шаге от цели каким-то мрачным типом со смутно знакомым лицом. На этом фильм, собственно, и закончился.

– Выходит, все это действительно было? – вслух произнес потрясенный Субботин.

Его вопрос эхом разнесся по гигантскому помещению и, самое поразительное, нашел-таки отклик у этих холодных и вроде бы безучастных к человеческому существу стен.

– Разумеется, было, дорогой Садок, – раздался вдруг спокойный и чуть насмешливый голос, – и очень жаль, что ваша карьера в качестве гайосара так и не состоялась. Для оракула вы теперь всего лишь покойник.

Субботин резко обернулся на голос и не сразу узнал в облаченном в роскошные, шитые серебром и золотом одежды человеке давнего своего партнера по сомнительным делам.

– Аркадий Семенович, – опередил растерявшегося авторитета Гриня. – А мы вас ищем. Все морги обзвонили. Такая потеря для нашего города.

– Здесь я гайосар Йоан, – презрительно скривил губы Иванов.

– Виноват, – быстро поправился Гриня. – Рады вас видеть в добром здравии, ваше императорское величество.

– Уже лучше, – милостиво кивнул головой новоявленному подданному гайосар. – Быть тебе при моем дворе главным кравчим.

– Покорнейше благодарим, ваше величество, – продолжал дурачиться Гриня, чем вызвал гнев Субботина.

А того не на шутку раздосадовал вид Аркадия. Человек в буквальном смысле купался в золоте, забыв о взятых перед серьезными людьми обязательствах. Авторитет полагал, что, по крайней мере, часть хранящегося здесь золота принадлежит ему. И немалая часть.

Иванов выслушал претензии подельника все с той же кривой усмешкой на устах. Надменное лицо его хранило выражение брезгливого величия, и Субботину вдруг пришло на ум, что Аркашка свихнулся среди всей этой роскоши и нуждается в уходе и лечении. Но, чтобы оказать ближнему посильную помощь, его следует отсюда вытащить вместе с хранившимся здесь золотом. К сожалению, попавший по чужой дурости в ловушку авторитет обратной дороги не знал. Зато эту дорогу наверняка знает свихнувшийся Иванов, и если его как следует прижать к стенке, то он наверняка расколется. Однако вид извлеченного из кармана субботинского пальто пистолета его величество несколько не смутил. Он лишь пожал плечами и махнул рукой. Надежный «Макаров», не раз выручавший Субботина в разных передрягах, выскользнул из его пальцев и упал на разрисованный пол. Авторитет стремительно нагнулся, чтобы его подхватить, но, увы, поймал он только воздух. Пистолет исчез, словно его никогда и не было.

– Ты удивительно непонятливый человек, Саша, – сказал Аркадий Семенович. – Я же тебе русским языком сказал, что в этом мире мне все подвластно. Я его гайосар. Я здесь устанавливаю законы, а остальным остается либо принять их, либо умереть.

– Умереть я не могу, Аркадий, – спокойно отозвался Субботин. – Если верить вон тому иероглифу, то меня в этом мире уже убили.

Иванов засмеялся, судя по всему, шутка старого знакомого ему понравилась. Аркадий Семенович, несмотря на свой показной блеск, все-таки выглядел излишне возбужденным. Видимо, еще не привык к роли повелителя этого призрачного мира.

– Ладно, – сказал он, отсмеявшись, – не буду долго мучить вас в прихожей. Прошу к столу, господа.

Роскошное одеяние гайосара Йоана незаметно для глаз гостей сменилось самым обычным цивильным костюмом. Да и сам Иванов как будто преобразился, вновь став насмешливым и язвительным Аркадием Семеновичем, которого Субботин знал не один год. Похоже, авторитет поторопился с диагнозом, и Иванов пребывал в трезвом уме и твердой памяти.

Стол был накрыт воистину по-императорски. От золотой посуды у Субботина зарябило в глазах. Собственно, золото было повсюду. Вкупе с драгоценными камнями оно украшало в изобилии и стены и мебель. Субботин не был большим знатоком по части ювелирных изделий, но, по его мнению, все эти украшения и посуда тянули на многие сотни миллионов долларов. И надо полагать, в этом огромном храме не один такой зал. Выходит, Веня и Гриня не соврали, когда утверждали, что Аркадий Иванов, по прозвищу Крот, несметно богат.

– Надеюсь, вино не отравлено, – глупо хихикнул придавленный неземным величием Гриня.

– Пей, холоп, – высокомерно прикрикнул на него сидевший во главе стола Иванов, – кому ты нужен.

Субботин тоже отпил из кубка. Вино оказалось неплохим, но авторитет предпочел бы водку или коньяк. Что касается посуды, то она ему очень понравилась. Появилось даже дурацкое желание сунуть кубок в карман небрежно брошенного в соседнее кресло пальто.

Субботин, однако, пересилил себя и с удовольствием попробовал зайчатины в соусе, что назойливо мозолила ему глаза с самого начала трапезы.

– Хорошо ты здесь устроился, Аркадий, – усмехнулся Субботин, запивая нежное мясо сухим вином. – Но ведь это не более чем сон, пусть и гипнотический, насколько я понимаю.

– Мясо самое что ни на есть натуральное, – возразил Иванов. – Что же касается водки, то мне, к сожалению, не удалось убедить оракула в ее полезности. Видимо, в будущем водка находится под запретом.

– А пиво? – насторожился Гриня. – Неужели и пиво запретят?

– Пиво слева от тебя в серебряном кубке, – отмахнулся от назойливого гостя Иванов. – Оракул способен накормить и напоить не одну тысячу людей. Надо признать, что в будущем у нас будут весьма даровитые изобретатели и инженеры.

– Значит, это не гипноз?

– Как тебе сказать, Саша, – задумчиво протянул Аркадий Семенович. – Гипноз, пожалуй, тоже имеет место быть, но я бы скорее назвал все происходящее театром. Вот только актеров оракул или его хозяин выбирают по своему усмотрению, не всегда считаясь с их желаниями.

– Выходит, оракул – это просто машина, которой может управлять любой человек? – насторожился Субботин.

– Далеко не любой, Саша, – покачал головой Иванов. – У тебя, например, шансов нет никаких, иначе я не стал бы тебе всего этого рассказывать, а нейтрализовал бы еще у порога.

– Нейтрализовал – в смысле убил?

– Ну, зачем же мне убивать давнего знакомого, – всплеснул руками Иванов. – Я просто отправил бы тебя обратно в свою старую квартиру. Этим компьютером из будущего может управлять только участник миссии, и я им стал. И думаю, стал по праву, поскольку мой дед, Терентий Филиппович Доренко, заплатил жизнью за стремление проникнуть в тайну оракула. То, что не удалось деду, удалось мне, Саша.

– Ты собираешься выгрести отсюда все золото?

– Золото – это мелочи, дорогой мой Субботин, хотя его здесь на сотни миллиардов долларов. Оракул собирал его на протяжении веков.

– Как сотни? – ахнули дуэтом Гриня и Веня. – Быть того не может!

– В принципе с помощью оракула я мог бы выгрести все золото из земных хранилищ, но мне это не нужно.

– Ну почему же?! – возмутился Гриня, потрясенный чужим могуществом.

– Вы кушайте, молодые люди, – прикрикнул Иванов на Веню и Гриню, – и не мешайте серьезному разговору. Мне нужна власть, Саша. Безграничная власть. Та власть, которой обладал мой предшественник Йоан Первый тысячу лет тому назад. Я буду Йоаном Вторым. А у тебя есть шанс стать одним из моих приближенных. Если хочешь, я сделаю тебя правителем одной из своих провинций. Какая страна тебе больше всего нравится?

– Бери Францию, – подсказал неугомонный Гриня. – Там вина хоть залейся, климат подходящий и вообще – культура.

Гайосар Йоан Второй не обратил на развязного Гриню ровно никакого внимания, он ждал ответа от Субботина.

– Я бы взял деньгами, – прокашлялся авторитет. – Точнее, золотом.

– Нет вопросов, – пожал плечами Аркадий Семенович. – Сто миллионов? Двести? Миллиард?

– В баксах? – ахнул Гриня.

– Можно и в евро, – не стал мелочиться гайосар Йоан.

– Ты это серьезно? – нахмурился Субботин.

– Какие шутки могут быть в этом храме, – укоризненно вздохнул Иванов.

– Бери, Сашка, – перешел на шепот Гриня. – Два миллиарда и Францию в придачу. Эх, гульнем!..

Субботин пристально смотрел в глаза Иванову. Черт его знает, вроде бы совершенно нормальные глаза. И по поводу миллиардов он, похоже, не шутит. А то, что речь идет о вполне осязаемых и весьма ценных вещах, Субботин знал и раньше. Ибо теперь, после всего увиденного здесь, у него уже не оставалось никаких сомнений, что свой миллиард Светка Хлестова получила именно от оракула, неведомо, правда, за какие заслуги. Почему бы в таком случае Сашке Субботину не получить два? Вот только вряд ли оракул и его гайосар одарят криминального авторитета просто так – за спасибо и красивые глаза.

– Твои условия? – севшим от волнения голосом спросил будущий миллиардер.

– Вот это деловой разговор! – обрадованно воскликнул Иванов. – Узнаю своего давнего партнера! Мне мешают кое-какие людишки. Собственно, ты их знаешь. Это Ярослав Кузнецов и Николай Ходулин. Есть еще деваха по имени Катюша, но на ее убийстве я настаивать не буду. Не хочу травмировать твою психику, Саша. Все-таки ты у нас известный женолоб.

Аркадий Семенович нервно хохотнул и подлил себе в кубок вина из золотого кувшина совершенно изумительной работы. Рука его при этом заметно дрожала.

Перехватив взгляд гостя, гайосар Йоан криво усмехнулся:

– Волнуюсь, Саша. Такая ноша на плечи свалилась. Устоять бы. Еще одно неременное условие – убить ты их можешь только собственной рукой. И лучше всего холодным оружием.

– А к чему такие китайские церемонии, Аркадий? – удивился Субботин. – В конце концов, их можно просто заказать.

– В том-то и дело, что нельзя, – с досадой отозвался Иванов, залпом выпивая вино из своего золотого кубка. – Их защищает оракул.

– А почему он их защищает? – с нажимом спросил Субботин, пристально глядя в глаза Крота.

– Потому что считает их своими. – Иванов выдержал жесткий взгляд авторитета, и в этот раз его рука, держащая кубок, не дрогнула. – А ты для оракула покойник, дорогой Садок. Ты уже умер, понимаешь? В лучшем случае ты призрак, который не сможет, по мнению компьютера, причинить серьезного вреда миссионерам.

– Понял! – хлопнул ладонью по лбу Субботин. – Точнее, вспомнил. Именно с этими двумя я сражался за звание гайосара...

– И проиграл, – перебил гостя Аркадий Семенович. – Я видел собственными глазами, как Ярослав Кузнецов проткнул тебя мечом. У тебя есть шанс взять реванш, Саша.

– Но ведь там был еще один йород, четвертый, которого звали...

– Будимир, – подсказал Иванов. – Его постигла та же участь, что и тебя, Субботин. Если ты откажешься, то я обращусь к этому человеку

– Хорошо, я согласен, – твердо сказал авторитет. – Давненько мне не приходилось брать в руки шашек, но думаю, что справлюсь.

– Я ценю твой юмор, Саша, и еще более – знание классического текста Николая Васильевича Гоголя. Но имей в виду, что твои противники тоже далеко не лохи и, возможно, догадываются, что за ними ведется охота. Мне нужны два перстня, которые они носят на пальцах. Невзрачные такие перстеньки с летучей мышью вместо печатки, но за каждый из них я тебе выплачу по миллиарду.

– В долларах? – опять высунулся Гриня.

– В евро! – серьезно и веско сказал гайосар Йоан.

* * *

Петр Васильевич Хлестов зевал во весь рот. Время было позднее, дождливое и располагающее ко сну Кудряшов, опираясь локтями на руль, лениво шурился в темноту. Бульдог с Антохой дремали на заднем сиденье. Ожидание длилось вот уже несколько часов и изрядно вымотало не склонных к бездействию и бесцельному созерцанию красот природы людей.

– Может, они нас заметили? – предположил Хлестов. – И ушли черным ходом.

– В этом доме нет черного хода, – возразил Кудряшов.

Оставалось ждать и надеяться, что затянувшийся разговор между Субботиным и Ивановым наконец закончится, а внедренные в стан врага агенты не подкачают.

– Вон они! – встрепенулся вдруг Хлестов.

Нельзя сказать, что место для наблюдения озабоченными людьми было выбрано слишком уж удачное, учитывая ночную пору и скудное уличное освещение, тем не менее Кудряшов без труда опознал в рослом широкоплечем человеке в длинном пальто своего извечного соперника Субботина. Быки засуетились вокруг «мерседесов». Впрочем, эта суэта длилась недолго. Взревели двигатели, и две машины выехали со двора, подсвечивая себе путь фарами. У подъезда остались сиротливо торчать две плохо различимые в темноте фигуры. Скорее всего, это были кудряшовские агенты Гриня и Веня.

– Антоха, – распорядился Кудряш, – сбегай за этими придурками.

Проснувшийся Антоха обернулся мигом. Следом за ним рысили Стеблов с Клюевым, переполненные, как вскоре выяснилось, впечатлениями. Правда, их речи поначалу воспринимались разумными людьми как бред хворающих белой горячкой пропойц. Тем более что оба были сильно под хмельком, да и ранее не отличались примерной трезвостью.

– Это нас гайосар Йоан напоил, – попробовал оправдаться Веня. – А уж золота у него в этом храме на сотни миллиардов долларов.

– Брось трепаться, – не поверил Бульдог.

– Мамой клянусь! – Веня даже перекрестился для убедительности. – Вот Гриня не даст соврать.

– Субботину он обещал два миллиарда, – вмешался в разговор Гриня. – Принесешь, говорит, две печатки и получишь по миллиарду – как с куста.

– Врешь!

– Да что заладил как попугай, – обиделся на Бульдога Гриня. – Говорю же, своими ушами слышали, как Субботин подрядился завалить двух лохов, Кузнецова и Ходулина.

– Это те самые ребята? – покосился Кудряшов на Хлестова.

– Те самые, Михаил, – подтвердил Петр Васильевич и, обернувшись к кудряшовским агентам, спросил: – А зачем Иванову понадобились перстни?

– С помощью этих перстней можно управлять оракулом, – пояснил Веня. – Мы с Клюевым собственными глазами видели, как Иванов их к светящемуся шару прикладывал. Правда, тогда у него ничего не получилось.

– А теперь получится?

– Как пить дать, – кивнул Гриня. – Миром, говорит, править буду. Все эти ФСБ и ЦРУ мне-де побоку. Иваном Грозным собрался стать Аркадий Семенович. Нас с Веней он звал в опричнину. Мы, естественно, согласились. Преображенцами мы были. Гэпэушниками были. Почему бы теперь в опричниках не походить?

– Свихнулся, значит, Крот, – резюмировал Кудряшов.

– А это еще бабушка надвое сказала, – вздохнул Хлестов. – Мы ведь с тобой не знаем возможностей этого оракула.

– Ты про золото не соврал? – подозрительно покосился в сторону Вени Кудряшов.

– Доверху этот храм золотом набит, – не дал открыть приятелю рот Гриня. – Когда Иванов нас по своим хранилищам повел, у меня в зобу дыханье сперло. И слитки там лежат, и посуда! А уж камней драгоценных как грязи!

– Шедевры живописи и ваяния, – солидно добавил Веня.

Хлестов от этих откровений Вени и Грини даже взмок и принялся вытирать пот с лица белоснежным платочком. Все-таки нюх в очередной раз не подвел Петра Васильевича и ситуацию он просчитал точно. Теперь бы только не ошибиться в действиях. Тут нужен тончайший расчет. Шутка сказать – сотни миллиардов долларов.

– Замотать этих двух лохов, – сказал Бульдог, – и взять перстни. А потом с Крота можно за них и все десять миллиардов сорвать.

– Я вас умоляю, Козлов, – поморщился Хлестов, – оставьте эти уголовные замашки.

– А не получится у вас ничего, – хихикнул Гриня. – Этих ребят сам оракул охраняет. Аркадий Семенович сказал, что убить их может только Субботин. Собственноручно. Его оракул считает покойником.

– Почему? – удивился Кудряшов.

– Какой-то божий суд был, – попытался объяснить Веня. – И якобы Кузнецов на этом суде проткнул Субботина мечом. Мы с Гриней при этом, к сожалению, не присутствовали, поскольку Аркадий Семенович нас в последнюю поездку не брал.

– Ну, вот видите, – укоризненно покачал головой Хлестов. – Здесь наобум нельзя действовать. Нужен точный расчет. Нет, мешать мы Субботину не будем. До поры.

– Дохлый номер, – презрительно усмехнулся Бульдог. – Суббота не дурак. У него быков несколько десятков. Если уж он до перстней доберется, то нам придется с боем их у него отбирать. Не знаю, как там с миллиардами, но мы либо по пуле получим от субботинских ребят, либо пожизненное заключение от родного государства.

– Не исключено, – хмыкнул Кудряшов. – Просто так Субботина устранить не удастся.

– И не надо нам его мочить и устранять, – пожал плечами Хлестов. – Зачем нам кровью себя пятнать. Пусть убийцей Субботиным занимаются правоохранные органы. Это их работа.

– Я стукачом сроду не был, – обиделся Бульдог.

– Молчал бы уж, – брезгливо покосился в его сторону Кудряшов. – А в НКВД кто меня сдал?

– Так ведь это сон, Миша, – смутился Бульдог. – Гипноз. Так ведь и били они нас, что твои опричники. Прямо душу наизнанку выворачивали.

– Вот и тут гипноз, понял? Пойдешь и как миленький наступишь куда следует в полусонном состоянии.

– Не надо куда стучать, – вмешался в разговор двух братков Хлестов. – Прокуратуру я беру на себя. Ваша задача – точно определить место и время, когда убийство состоится.

– А если перстни попадут в прокуратуру?

– Значит, надо сделать все, чтобы не попали, – вздохнул Хлестов. – А то придется потом следователей грабить.

Кудряшову план Петра Васильевича понравился – эффективный и относительно безопасный, не сулящий крупных неприятностей в будущем. Все-таки, что ни говори, а ум, когда речь идет о деньгах, представляет куда большую ценность, чем сила.

– Когда и где Субботин собирается провернуть это... э-э... мероприятие? – спросил Хлестов у Вени.

– Мы с Гриней должны выманить Кузнецова и Ходулина якобы на встречу с Ивановым, а там уже не наша забота, – отозвался Веня.

– А они вам поверят?

– Конечно, поверят, – шмыгнул носом Гриня. – Друбич знает, что мы работаем на фон Дорна.

– Какой еще Друбич? – рассердился Бульдог.

– Друбич – это Кузнецов, а фон Дорн – это Иванов, – пояснил Гриня. – У оракула все под кликухами ходят. Венька, когда в ГПУ служил, звался Куликовым, а я был Нечаевым.

– Ладно, – кивнул Кудряшов. – Держите нас в курсе. Как получите сигнал от Субботина, так сразу звоните.

– Будет сделано, – четко отрапортовал Стеблов, для которого служба в гвардейском полку, а потом в солидном военизированном ведомстве не прошла даром.

– И смотрите у меня, бойцы невидимого фронта, – погрозил им огромным кулачищем Бульдог. – В случае чего, я вас из-под земли достану.

«Мерседес» плюнул в незадачливых агентов бензиновым перегаром и разжиревшим псом лениво двинулся с места. Гриня с Веней смотрели ему вслед, пока габаритные огни не скрылись за поворотом.

– Пугают еще, сволочи! – зло плюнул на мокрый асфальт Гриня. – Влипли мы с тобой, однако, Стеблов.

– Не влипли, а прикоснулись к одной из величайших тайн современности, – наставительно заметил Веня, направляясь к своему выдавшему виды БМВ.

– А толку-то?! – вздохнул Гриня, с удобствами располагаясь на заднем сиденье. – Кто-то огребет деньжищи, а мы с тобой так и останемся с битыми мордами и пустыми карманами.

– Вариант очень даже возможный. Чего доброго, и убить могут, заподозрив в двурушничестве или просто как ненужных свидетелей.

Кроту Веня не верил. Тоже мне Иван Грозный выискался. Деньги – вот истинная власть. А тут изволь корчить из себя опричника. Пришибут еще, глядишь, недовольные царской властью поселяне. Дайте Вене Стеблову миллиард, и катитесь все к чертовой матери.

– Я одного не пойму, Стеблов, мы же с тобой давно уже покойники, во всяком случае, в глазах оракула. С какой стати он нас вновь превратил в гэпэушников?

– А в тридцать седьмом мы были еще живы, понял?

– Но ведь нас застрелил Друбич в двадцать седьмом?

– Нет, – покачал головой Веня, вырulingая на дорогу. – По всему видать, в двадцать седьмом все вышло наоборот: дедушка Аркадия Семеновича завалил, как ему казалось, всех своих врагов с помощью Куликова и Нечаева. Вот только Доренко не учел, что оракул способен покойников воскресить. И один из этих покойников, Глинский, через десять лет добрался до старшего оперуполномоченного и отправил того в мир иной без всяких шансов на возвращение. Тебе, Гриня, следует мозгами шевелить хоть иногда, а то они у тебя вконец скиснут.

– Вот ты и шевели, умник, – обиделся Гриня. – По твоей милости мы в это дело влипли. Набьем-де морду Ходулину, сорвем бабки – и в сторону... Ну, и где та сторона? А теперь к этому чертову Дракуле и не подступишься. Всю оставшуюся кровушку выцедит, вампир!

Гриня был, конечно, прав, а потому Веня Стеблов и не собирался охотиться на вампиров и йородов. План его был составлен не хуже, чем у стратега и хвата Петра Васильевича Хлестова. У которого он, правда, украл главную идею.

– Есть у меня один знакомый следователь прокуратуры.

– Ну? – насторожился Гриня.

– Не нукай, пока не запряг, – огрызнулся Веня. – Сдадим его, как миленького.

– Субботина? – ахнул Гриня.

– При чем тут Сашка, – огрызнулся Веня. – Субботина пусть Кудряшов с Хлестовым пасут. У меня есть на примете другой урод.

– Какой еще урод, Стеблов, ты что несешь?

– Ты видел, как оракул Сашке его жизнь пересказывал?

– Нет, – вздохнул Гриня. – Я на такое смотреть не могу. У меня нервная система слабая.
– А я подсмотрел. Четвертым на том божьем суде был Валерка Аникеев. Это именно к нему собирался обратиться Крот, если бы Субботин отказался.
– Мама дорогая! А как он там оказался?
– Светка его наняла для прикрытия.
– Так он, наверное, сейчас в золоте купается, – покачал головой Гриня. – Чего доброго, откажется?
– Деньги лишними не бывают, – процедил сквозь зубы Веня. – Appetit приходит во время еды.

* * *

Сухарев слегка удивился раннему звонку Петра Васильевича Хлестова. Однако вынужден был признать, что сведения, которые ему сообщил финансист, были из разряда важных. Речь шла о двух человеческих жизнях, и тут уж, как считал Василий

Валентинович, лучше перестраховаться, чем потом хоронить убитых и ловить убийц.

– А откуда у вас такие сведения, Петр Васильевич?

– К сожалению, не могу вам назвать имя своего информатора, Василий Валентинович. Человек буквально умолял меня не проговориться. Он и без того сильно рисковал, рассказывая об этом мне. Вот задержите преступника, тогда, пожалуй, скажу. Но сведения надежные, Василий Валентинович, – информатор из ближайшего окружения Субботина.

– Спасибо и на этом, Петр Васильевич.

– Да бога ради, господин Сухарев. Я не хотел в это дело вмешиваться, но совесть замучила. Две человеческие жизни на кону как-никак.

О Субботине Сухарев был наслышан, хотя сталкиваться с ним в рамках профессиональных обязанностей ему не доводилось. По имевшимся у прокуратуры сведениям за Александром Субботиным числилось множество сомнительных дел, но, к сожалению, сведения – это еще не доказательства, и взять за жабры этого крупного криминального хищника пока что не удавалось. Впрочем, Хлестов мог и ошибиться, пользуясь непроверенными слухами. Не исключено также, что хитроумный финансист просто оболгал вставшего ему поперек пути человека. С Хлестова, пожалуй, станется! Но в любом случае полученную информацию придется проверять...

– А у меня для тебя новость, – перехватил Сухарева в коридоре Углов и предупредительно распахнул дверь кабинета.

Василий Валентинович уговаривать себя не заставил, тем более что в последние дни он пристрастился к кофе, который виртуозно заваривал Углов. Надо признать, что расторопный Костя оправдал возлагаемые на него надежды как по части кофе, так и по части информации.

– Странно, – проговорил Сухарев, задумчиво потягивая душистый кофе. – Сегодня утром меня уже предупредили о возможном покушении на Кузнецова и Ходулина, но в качестве потенциального убийцы там фигурировал совсем другой человек – не Аникеев, а Субботин.

– Убить способны оба, – заметил Углов. – А кто тебе звонил, Василий Валентинович?

Услышав фамилию видного финансиста, Углов удивленно присвистнул. Хотя что уж тут особенно удивляться? Хлестов, конечно, не оставит своим вниманием ни разбогатевшую жену, ни тех, кто ее окружает.

– Мне позвонил Вениамин Стеблов, – пояснил Углов. – Человечишка мутный, жуликоватый, но до законченного отморозка ему пока далеко. Я ему не слишком верю, но проверять все равно придется. Тем более что он обещал позвонить еще раз и уточнить время и место.

– Место, где произойдет убийство? – удивленно вскинул глаза Сухарев.

– Именно, Василий Валентинович. Я так понял, что Аникеев принудил Стеблова выманить Кузнецова из дома, а тот либо струсил, либо в нем совесть проснулась.

– Все может быть, конечно, вот только странно, что совесть проснулась в это утро сразу у двух человек, прежде о ней и не помышлявших. И еще более странно, что оба обратились в прокуратуру с информацией во многом сходной, но в деталях не совпадающей. Не исключено, правда, что Кузнецова и Ходулина собираются убить сразу двое, и Аникеев и Субботин. Возможно, по предварительному сговору, но не исключено, что в пику друг другу.

– Анатолий Сергеевич звонил, хотел с тобой встретиться.

– Рябушкин? Он разве вернулся?

– Да. Мне показалось, что он чем-то сильно взволнован.

Похоже, еще в одном человеке проснулась совесть. Во всяком случае, Сухарев не замедлил связаться с бывшим коллегой и договорился о встрече.

– Ты держи меня в курсе, Костя. Если Стеблов позвонит – сразу же сообщи мне.

Анатолий Сергеевич подрулил на роскошном «форде». Сухарев на своем «жигуленке» смотрелся бедным родственником. Тем не менее Василий Валентинович без смущения сел в салон забугорного лимузина и даже повосхищался оборотистостью старого знакомого. – Осуждаешь, – покачал головой Рябушкин. – Может, осуждаю, а может, завидую, – пожал плечами Сухарев. – Не ты первый вылез в князи. – По-твоему, я должен был отказаться от свалившихся на голову миллионов? Тем более миллионов абсолютно чистых?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.